

УДК 316.628

https://doi.org/10.33619/2414-2948/59/30

ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

©*Немцов А. А.*, SPIN-код: 1471-9280, канд. психол. наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, a.nemczow2014@yandex.ru

UNDERSTANDING LIBERAL VALUES IN THE MODERN RUSSIAN CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT

©*Nemtsov A.*, SPIN-code: 1471-9280, Ph.D., Russian State University for the Humanity, Moscow, Russia, a.nemczow2014@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка теоретически осмыслить трансформацию либеральных ценностей в процессе экономических и политических реформ, осуществлявшихся в России после распада СССР в 1991 г. и крушения мировой системы социализма. Анализируются некоторые подходы к интерпретации сущности «холодной войны», а также ее результатов и итогов. Дается характеристика основных проблем, возникших перед российским обществом и перед российской властью в связи с упразднением коммунистической идеологии. На основании анализа рассмотренных подходов предлагается гипотетическая модель сосуществования и конфронтации «двух миров» и двух типов человека в рамках христианской мировоззренческой парадигмы, в сущности двух концепций гуманизма. Выявляется специфика современного противостояния России по отношению к Западу (прежде всего США) по сравнению с имевшим место во времена «холодной войны». Делается попытка осмыслить это противостояние в более широком культурно-историческом контексте.

Abstract. The article attempts to theoretically comprehend the transformation of liberal values in the process of economic and political reforms carried out in Russia after collapse of the USSR in 1991 and the collapse of the world system of socialism. Some approaches to the interpretation of the essence of the “cold war”, as well as its results and outcomes, are analyzed. The article describes the main problems faced by Russian society and the Russian government in connection with the abolition of the Communist ideology. Based on the analysis of these approaches, we propose a hypothetical model of coexistence and confrontation between “two worlds” and two types of man within the framework of the Cristian worldview paradigm, in essence, two concepts of humanism. The author reveals the specifics of Russia’s modern opposition with what took place during the cold war. An attempt is made to understand this confrontation in a more General way.

Ключевые слова: либеральные ценности, эгоизм, индивидуализм, альтруизм, справедливость, государственный суверенитет, права человека, глобальная экономика, православие, протестантизм, идеология.

Keywords: liberal values, egoism, individualism, altruism, justice, state sovereignty, human rights, global economy, Orthodoxy, Protestantism, ideology.

Наш интерес к данной проблематике стимулировался подспудным распространением в постсоветской России 90-х годов 20 века философии и этики, которую порой определяют, как «рэндизм», по имени ее основоположницы Айн Рэнд. Это явление, с нашей точки зрения, не только не является случайностью, но вполне закономерно. Все экономические реформы, проводимые в России с 1992 г. носили так или иначе либеральный характер и сам факт их проведения объяснялся тупиковым характером социалистической экономической модели. По существу распад СССР многими реформаторами и преподносился как неопровержимый аргумент, доказывающий преимущества свободной либеральной рыночной экономики над социалистической, плановой, распределительной. Разумеется, создаваемая в результате реформ экономическая модель воспринималась и воспринимается разными слоями российского общества очень по-разному [8; 10]. Если обратиться к «первоисточнику рэндизма» — к работам самой Айн Рэнд, в краткой форме сущность данной философии и этического учения можно свести к нескольким основным пунктам. Сама А. Рэнд нередко подчеркивала, что она лишь призывает вернуться к той изначальной модели свободного капитализма, которая существовала в США до реформ Ф. Рузвельта и в сущности отражена в декларации независимости 1776 г: «Все люди обладают неотъемлемыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью». Любопытно отметить, что одним из последователей и многолетних друзей Айн Рэнд был Алан Гринспен, который более 18 лет возглавлял Федеральную резервную систему США. В наши дни наиболее ярким представителем такого типа личности можно, вероятно, считать Дональда Трампа с его лозунгом «Сделаем Америку снова великой!». Итак, основные постулаты «рэндизма» таковы:

1. Человек должен быть эгоистом. В этом заключается залог справедливости и свободы. Он не должен жертвовать собой ради других людей и не должен ожидать каких-либо жертв с их стороны в отношении себя. Человек не должен служить никому и ничему, кроме своих интересов.

2. Главным стремлением человека должно быть стремление к личному успеху и получению максимального удовольствия от жизни, пока он ее проживает. Это стремление должно реализовываться через творчество и усердие. Таким образом, утверждается необходимость и справедливость гедонизма через талант и трудолюбие.

3. Человеку предписывается опираться на свой разум и знание, а не на чувства и веру.

4. Вводится запрет на любое насилие по отношению к человеку и его собственности.

В своем выступлении перед президентами клуба американской ассоциации менеджмента в 1961 г. в Нью-Йорке Айн Рэнд утверждает, что предприниматели — единственная группа, которая отличает капитализм и американский образ жизни (идеальное по ее убеждению общественное устройство) от тоталитарного этатизма, поглотившего всю остальную часть мира (СССР и социалистический лагерь на тот исторический период). Все остальные социальные группы — рабочие, специалисты, ученые, солдаты — подчиняются диктатурам, даже если это означает цепи, террор, бедность ради «прогрессивного» саморазрушения. И только одна социальная группа — предприниматели — не подчиняется диктатуре. Они либо гибнут, либо уезжают из страны. Их место занимают вооруженные бандиты, бюрократы и комиссары. Предприниматель — это символ свободного общества, символ Америки. Там, где предприниматели погибают, погибает и цивилизация [1; 8]. Будучи фанатичным апологетом либерального капитализма и предвосхищая за 30 лет крах коммунистической идеологии, ликвидацию мировой социалистической системы и распад СССР, Рэнд утверждает — выступать на тему капитализм против коммунизма так, как будто проблема выбора между ними возможна и вообще допустима — в сущности абсурд и полная

бессмыслица. На одной стороне (на стороне капитализма) мы фиксируем результаты и свидетельства гигантских достижений величайшей системы, когда-либо созданной в истории человечества. На другой стороне мы имеем кровавую скотскую ферму (ассоциация с производением Дж. Оруэлла «Скотный двор») из оборванных дикарей, разжившуюся благодаря нашей помощи, ленд-лизу, атомным секретам, нашим уступкам и компромиссам и в конце концов нашему само-предательству. Мир находится на грани уничтожения (речь произнесена «на пике» холодной войны примерно за год до «Карибского кризиса») по причине разрушительного конфликта. Но только этот конфликт не между капитализмом и коммунизмом. Это конфликт капитализма с самим собой, в то время как коммунизм находясь среди разрухи, которую он только и может нести, просто мошеннически наживается за счет этого внутреннего конфликта капитализма. Ни одна политико-экономическая система в истории, убеждена Айн Рэнд, не доказывала свою эффективность столь красноречиво и не приводила человечество к такому процветанию как капитализм. И не одна из них не критиковалась столь же яростно, слепо и бездумно. Почему же большинство интеллектуалов обернулись против капитализма, задается вопросом Айн Рэнд. Причиной, утверждает она, является изначальное зло, которому до сих пор боятся бросить вызов, а именно мораль альтруизма. Альтруизм лежит в основе морального кодекса на протяжении большей части человеческой истории (христианской истории добавим мы). Альтруизм гласит, что человек не имеет права жить ради самого себя, что служение другим – единственное оправдание его существования, и самопожертвование (образец которого искупительная жертва Христа) является наивысшей моральной ценностью и добродетелью. Конфликт, терзающий Западную цивилизацию со времени Ренессанса это и есть конфликт между капитализмом и моралью альтруизма (фактически христианской моралью в ее традиционном понимании). Капитализм и альтруизм (традиционная христианская мораль) находятся в философском противоречии. Они не могут сосуществовать в одном человеке или в одном обществе. Моральный кодекс, скрытый в капитализме, никогда не формулировался в открытую, считает Айн Рэнд. Базовая предпосылка этого кодекса – это то, что каждый человек принадлежит самому себе и никому другому. Что каждый человек должен жить ради самого себя, он не должен жертвовать собой ради других и призывать других жертвовать собой ради него. Каждый человек должен иметь дело с другим человеком только по обоюдному взаимному согласию. Это, в сущности, и есть моральные принципы, на которых были основаны Соединенные Штаты Америки утверждает Айн Рэнд. Право человека на собственную жизнь, личную свободу и на стремление к собственному счастью. Если же идеалом становится страдание, а самопожертвование это добродетель (что и имеет место в традиционном христианстве и одновременно является краеугольным камнем русской культуры), значит, по меркам такой морали, капитализм должен считаться злом. Капитализм не заставляет человека страдать, а учит его стремиться к успеху и наслаждаться этим успехом здесь в земной жизни. Капитализм говорит, что человек должен не служить и жертвовать, а производить и извлекать пользу. Капитализм проповедует не бездеятельность, покорность и смирение, а независимость, самоуверенность и самодостаточность. Кроме того, капитализм не позволяет никому ожидать или требовать незаработанное (милости и благодати). Во всех человеческих отношениях, будь то частное или общественное, духовное или материальное, социальное, политическое, экономическое, моральное, капитализм требует, чтобы человек руководствовался принципом, являющимся антитезой альтруизму. Что же это за принцип? Первое, что приходит на ум – антитезой альтруизму является эгоизм. Но логика Айн Рэнд совершенно иная – антитезой альтруизму она считает справедливость. Если справедливость, прогресс, процветание, мир, безопасность

и доброта действительно являются целями социального развития, то тогда капитализм – это тот идеал, к которому нужно стремиться. Мораль альтруизма, провозглашает Айн Рэнд (синоним несправедливости в ее понимании) является *лучшим и единственным* оружием русских. Ощущая потребность в моральном аргументе, продолжает свои рассуждения Айн Рэнд, многие консерваторы прибегают к религии. Они заявляют, что свобода, капитализм и Америка основаны на вере в Бога. Политически, такое заявление противоречит одному из базовых принципов Соединенных Штатов. В Америке как в светском государстве религия является личным делом человека и не может использоваться в политических целях. Интеллектуально принимать все на веру, означает признание того, что разум находится на стороне наших врагов (коммунистов, русских, что для Айн Рэнд практически синонимы) и что нет никаких рациональных аргументов для поддержания американских идеалов. Нет никакого логического обоснования идеям свободы, справедливости, частной собственности, индивидуальным правам. Все это может быть принято только на веру. К каким последствиям это приводит? В то время как коммунисты провозглашают себя лидерами в области науки и здравомыслия, консерваторы отступают в область мистицизма, в потусторонний мир, оставляя этот мир на откуп коммунистам (русским). И это в то время, когда сама искаженная коммунистическая идеология никогда бы не смогла одержать победу на собственном поле. Мы должны, заключает Айн Рэнд, биться за капитализм не из практических или экономических побуждений, а с полным правом и гордостью из моральных побуждений. Капитализм этого полностью заслуживает и ничто не поможет ему лучше. Таким образом противопоставление капитализм–коммунизм (США–СССР) в трактовке Айн Рэнд это противопоставление морали и аморальности. Где США олицетворяют мораль и законность, а СССР — аморальность и преступность.

Как хорошо известно, оправданием капитализма с позиций классической научной социологии является концепция М. Вебера [4]. Вебер утверждает гармоничную связь между интересами капиталистов как специфической общественной группы и интересами всего общества в целом. Основываясь на идее классической политической экономии о принципе «невидимой руки» рынка М. Вебер попытался сделать эту невидимую руку видимой. Он стремился доказать, что в основе предпринимательской мотивации лежит не корыстный инстинкт, а идеалистическое стремление к спасению души. Оно прежде всего находит проявление в поиске *своего индивидуального призвания*. Таким образом богатство возникает не в результате спекуляций, а в результате производства, умножающего национальное богатство. Однако, в отличие от М. Вебера Г. Зиммель [10] отказывается воспринимать капиталистов в качестве какого-то специфического культурно-исторического типа. Он утверждает полное тождество корыстного мотива капиталистического обогащения с естественным эгоизмом. С этой точки зрения все остальное большинство людей – это просто неудавшиеся буржуа, которым не удалось успешно реализовать свои корыстные мотивы. При этом он указывает, что мотив обогащения и обретения влияния и власти через деньги актуален прежде всего для тех, кому богатство, деньги должны компенсировать недостаток общественного признания, безопасности и элементарного доверия. Но именно такая проблемная и в сущности ненормальная ситуация, по мнению Г. Зиммеля, служит предпосылкой человеческого прогресса в его подлинном смысле. Здесь можно привести следующую аналогию. Принято считать, что использование человеком огня и орудий было обусловлено прежде всего его физической неполноценностью по сравнению с животными. Точно также, некоторые люди, ощущая свою неприспособленность и повышенную уязвимость в условиях традиционного общества выработали компенсаторный механизм —

накопление богатств. Подобно тому, как использование огня и орудий позволило человеку не только выжить, но и стать неизмеримо выше над всеми представителями животного царства, так и способность аккумулировать денежные богатства поставила ее обладателей над всеми остальными людьми. С этой точки зрения профессиональные «делатели денег» хотя и составляют меньшинство человечества, но именно они и являются людьми в истинном смысле этого слова, олицетворением человеческого в человеке. Идеи Г. Зиммеля подготовили идеологию современного либерализма, подчеркивающего, что современное общество прежде всего не постиндустриальное, а глобальное. С таких позиций современное общество отличается не особой ролью науки, образования и культуры, не тем, что его центром является уже не промышленные предприятия, а университеты, а новой ролью экономики, превращающейся из частичной, затрагивающей лишь отдельные стороны жизни общества, в универсальную и глобальную. Центром и основой современного общества становится таким образом банковская, финансовая система, причем система глобальная. Если сравнивать промышленное предприятие и банк в качестве социальных институтов, то между ними обнаруживается принципиальное различие. Промышленное предприятие как общественный институт представляет в себе все общество. Здесь труд и капитал вынуждены сотрудничать и неизбежно достигают определенного компромисса интересов. Иначе процесс производства просто не состоится. Одновременно промышленное предприятие должно интегрироваться в окружающую его социальную и культурную среду, из которой оно черпает рабочую силу, квалифицированные кадры, информацию, нормы и потребности которой обеспечивают сбыт его готовой продукции. Совсем другое дело банк. Его успех в качестве социального института практически никак не зависит от реальных показателей общественного прогресса. На его доходах практически никак не отражаются рост производительности труда, состояние окружающей среды, состояние общества, здоровье и работоспособность населения. Банк не имеет корней в окружающей его общественной среде. Поведение финансовой буржуазии, а именно она в настоящее время является доминирующей, описывается скорее концепцией Г. Зиммеля, чем М. Вебера. Особенно драматично это проявилось в процессе экономических реформ в России [10].

Во второй половине 20-го века финансовая, спекулятивно-ростовщическая прибыль все более вытесняет прибыль от производительного предпринимательства. Банки становятся все более крупными, могущественными и, одновременно, интернациональными, подминая под себя экономический суверенитет национальных государств. Сами государства все чаще превращаются в фактических банкротов. При этом все попытки отделить производительную прибыль от спекулятивной и наложить ограничения на вывоз капитала за границу осуждаются от имени великих либеральных принципов невмешательства государства в экономическую и социальную жизнь. Но в нынешних условиях это выглядит как прямая фальсификация и софистика. Классический либерализм (чью экономическую этику обосновывал и защищал М. Вебер) требовал невмешательства государства в дела свободных предпринимателей-буржуа [4]. Современный либерализм, напротив, защищает интересы не предпринимателей, а финансовых спекулянтов, подрывает позиции настоящих производителей, создающих национальное богатство. Так моральное оправдание деятельности национально ориентированных производительных предпринимателей ловко подменяется моральным оправданием международной финансовой ростовщической олигархии. Это в свою очередь открывает дорогу к бесконечному росту пропасти между кучкой сверхбогатых с одной стороны и все глубже погружающихся в бедность и нищету огромных масс населения, ведь «богатство – это заслуга богатых», а «бедность — это вина

бедных». При этом идея Прогресса, свойственная Просвещению все более подменяется идеей адаптации к уже существующим и имеющимся в наличии экономическим и социальным условиям. Настоящее все более противопоставляется будущему, приспособленность — неприспособленности, прагматический реализм — романтическим утопиям. Людей все более отчетливо делят на удачливых и счастливых победителей, гламурное меньшинство, вызывающее к себе зависть и стремление подражать, заведомо обреченное на провал, и большинство, влачащих жалкое, унылое и безнадежное существование, единственный выход из которого в мир иллюзий и грез. Таким образом, отношение между народом и прогрессом в постмодернистской модели мира кардинально изменились. В эпоху просвещения служение прогрессу означало одновременно служение народу. Теперь прогресс все более противопоставляется народу. Прогресс — это привилегия избранного меньшинства. Причем, чем более свободными благополучными и интернациональными становятся элиты, тем более широкие массы погружаются в бедность, национальную и региональную изоляцию и по существу переходят к натуральному хозяйству. Одной из основ такого мирового порядка является «управляемый хаос» [3; 10; 11].

Глобальный порядок все более предполагает изъятие всех богатств мира сообществом глобальных финансовых игроков. Кроме того деньги становятся важнейшим инструментом непрерывной «перманентной» революции, трансформирующей социальные статусы и авторитеты. Деньги дают возможность людям, ничем не заслуживающих доверия общества и часто демонстрирующие худшие моральные качества, господствовать над бескорыстными, совестью, честными. Глобализация (Ульрих Бек) в ее современном виде делает возможным то, что в капитализме долгое время оказывалось замаскированным: глобальные предприятия и корпорации претендуют на ключевую роль не только в экономике, но и в обществе в целом [3]. Лидеры современной глобальной экономики постоянно стремятся освободиться от пут, которые на них в XIX и XX веках накладывали труд и государство. Предприниматели открыли своеобразный «философский камень богатства». Новая магическая формула гласит: капитализм без труда плюс капитализм без налогов [2, 3].

Времена промышленности, применявшей массы работников, ушли в прошлое, во всяком случае, в экономически развитой части мира. Армия, основанная на всеобщей воинской повинности также теперь принадлежит истории, сменяясь профессиональной контрактной. Современные вооружения требуют меньшей численности профессиональных солдат, а технический прогресс в производстве товаров привел сегодня к уменьшению потребности в занятых. Инвестиции предполагают сокращение, а не рост числа рабочих мест, и фондовые биржи по всему миру мгновенно вознаграждают компании за сокращение персонала и нервно реагируют на известия падении уровня безработицы. Люди, традиционно именуемые «безработными» более не составляют «резервной армии труда», также как и не являются резервистами, готовыми в случае военной необходимости пополнить ряды вооруженных сил. Не следует обманывать себя надеждой на то, что развитие промышленности вновь призовет людей, которых она сама сделала лишними. Такая перспектива противоречила бы сути любого процесса, имеющего отношение к механизмам нынешнего экономического процветания: принципам гибкости, конкурентоспособности и производительности, измеряемыми снижением издержек на рабочую силу. Даже если новые рыночные правила обещают рост общего богатства нации, они неизбежно ведут к расширению пропасти между рыночными игроками и всеми остальными, кто оказался «вне игры». Все большее количество людей не требуются в качестве даже потенциальных производителей благ. В обществе, где потребители, а не производители являются основной

движущей силой экономического процветания, бедняки не представляют ценности и в качестве потребителей. Они не могут рассчитывать на текущие банковские ссуды, а товары, в которых они более всего нуждаются, приносят торговцам мизерные прибыли. Эти люди теперь уже не временная аномалия, ожидающая исправления, а группа, находящаяся за пределами «социальной системы», сословие без которого все остальные чувствовали бы себя лучше и удобнее. Все чаще приходится читать о сотнях и тысячах, которые сидят на шее и мошенничают, злоупотребляют терпением и доброй волей общественности и властей, о тех, кого «жизнь на пособие» превратила в бесполезных и ленивых бездельников, не столько неспособных, сколько не желающих браться за подворачивающуюся работу и предпочитающих жить за счет налогоплательщиков, трудящихся в поте лица. Это «бремя для общества». Всем остальным жилось бы лучше и счастливее, если бы они чудом исчезли. Как указывает З. Бауман [2] в современном мире мобильность стала наиболее сильным фактором расслоения. Вообще национальные суверенные государства с их населением и его национальными интересами объявляются анахронизмом, стоящим на пути мирового прогресса. Мобильность, обретаемая владельцами и менеджерами капиталов, знаменует беспрецедентное отделение власти от обязательств. Освобождение от ответственности за последствия – это наиболее желанное и высоко ценимое приобретение капитала, обеспечиваемое новой мобильностью. В результате, вместо того, чтобы выравнивать и повышать жизненный уровень людей, современные технологические и политические уничтожение временных и пространственных различий, составляющее суть глобализации, экономически поляризует человечество. Согласно недавним данным ФОРБС, суммарное состояние 300 наиболее богатых семейств приближается к 6 триллионам долларов, что вполне сопоставимо с ВВП США – около 1/3 его величины и втрое превышает ВВП России.

В настоящее время есть основания говорить о формировании своеобразной новой разновидности тоталитаризма – экономическом тоталитаризме. Однако прежде чем понять его истоки и суть, важно сформулировать основные признаки тоталитаризма, не привязывая его, как это традиционно делалось и делается к сталинскому и гитлеровскому режимам. Известно, что идея противопоставления немецкого (раскаившегося) и русского (нераскаившегося) тоталитаризма англо-американской демократии используется для объяснения победы союзников во Второй мировой войне.

Можно сформулировать по крайней мере три таких признака.

Во-первых, тоталитаризм не признает законной оппозиции себе и претендует на монополию власти и истины. Всякое выступление против себя он объявляет выступлением против Истины и Справедливости.

Во-вторых, он отрицает принцип разделения власти, стремится консолидировать ее и по возможности устранить все реальные сдержки и противовесы, сохраняя их фальшивые декоративные симуляции.

В-третьих, он требует не простого повиновения, а энтузиазма и стремится контролировать не только и не столько поступки людей, но прежде всего их мысли и устремления.

Здесь нужно отметить, что наряду с делением на исполнительную, законодательную и судебную ветви власти, сформулированном в Новое время в Европе и прежде всего в Великобритании (Джон Локк), существует более древнее и глубокое деление, касающееся трех сторон общественной жизни как таковой: экономики, политики и духовной (идеологической) сферы. Победивший либерализм исподволь освободил экономическую власть от сдержек и противовесов со стороны власти политической и духовной. Распознать

этот вид тоталитаризма мешает ряд обстоятельств. Прежде всего предприниматель воспринимается как политически нейтральный торговец, последовательно антиромантичный, не слишком моральный, но безусловно не страдающий чрезмерным честолюбием и властолюбием. Однако, учитывая упомянутые выше рассуждения М. Вебера о протестантской этике мирского служения и индивидуального призвания, он может уже рассматриваться как пример для подражания, а его богатство, как справедливое воздаяние за труды и молитвы. В континентальной Европе буржуа с самого начала находились в условиях наличия сдержек и противовесов. Им с одной стороны противостояли феодалы и аристократы. С другой стороны им противостоял народ, традиционно с подозрением относящийся к богатству, особенно если оно не связано непосредственно с властью светской или религиозной. С третьей стороны им противостояла католическая церковь, во многом лицемерно призывая следовать идеалу бедности и воздержания. На этом фоне любое не аристократическое и не церковное богатство, а тем более роскошь, следовало стыдливо прятать или, во всяком случае, не выставлять их напоказ. Богатство, как и собственность, за исключением Великобритании (Хартия вольностей и т. д.), не имели в Европе достаточных гарантий. Конечно, они все же были защищены по сравнению с Россией, где богатство, собственность могли в любой момент быть отняты деспотической властью, вместе со свободой и жизнью. Уникальная в мировой истории ситуация возникла в США. Здесь переселенцы, прежде всего ортодоксальные протестанты могли действовать практически без оглядки на перечисленные выше обстоятельства и действительно строить свой новый протестантский мировой порядок, идеальный с точки зрения торговцев-предпринимателей. Причем сам факт готовности пересечь Атлантический океан, совершить прыжок в неизвестность, отбирал наиболее энергичных, смелых, предприимчивых и авантюристичных (своего рода «волков»). Таким образом в Европе оставались умеренные и относительно осторожные и даже боязливые предприниматели, а в Новый свет устремлялись наиболее энергичные, храбрые, амбициозные и даже фанатичные. Среди них с одной стороны был относительно высок процент людей, находящихся не в ладах с законом. С другой стороны они как раз менее других были готовы сохранять традиции Старой Европы на новом месте, поскольку именно эти традиции, привилегии определенных сословий, выступали для них в качестве наиболее ненавистных сдержек их неумной жажды деятельности, обогащения, того, что позже стало называться «американской мечтой». Это были в буквальном смысле «деловые люди» и они оценивали и себя и других именно по делам и результатам (их впоследствии стали называть «трудоголиками» и «результатоголиками»), а не по словам, прежним заслугам, титулам и прочему. Именно в США, особенно после победы Севера над Югом сформировался прообраз современного либерализма, ставящего на пьедестал экономическую эффективность и богатство, как ее наиболее объективный показатель. Логическим итогом этого процесса было создание накануне Первой мировой войны Федеральной резервной системы, фактически объединившей в себе функции банка и государственной казны, обладающей монополией выпуска денег (денежной эмиссии). После Второй мировой войны, принесшей США гораздо больше выгод, чем потерь и сделавшей их богатейшей и экономически наиболее мощной страной мира Федеральная резервная система становится уже монопольным держателем мировых денег. Доллар на десятилетия становится ключевой и фактически единственной международной мировой резервной валютой.

Американская экономическая, прежде всего финансовая олигархия, как это не может показаться странным, претендует на теократические функции и стремится устанавливать эталоны не только в области экономики, политики, технологии, но также в сфере культуры,

морали и даже веры. При этом утверждая свою «единственно истинную» веру, неся миру «свободу и свет истины» (*libertatem ac lucem veritatis*), она попутно развенчивает и оскверняет все остальное. Современный агрессивный американский либерализм ставит под сомнение любую некоммерческую культуру. Решающим критерием в культуре и в обществе в целом оказывается прибыльность, способность выгодно продаваться (быть в широком смысле «бестселлером»). Если еще можно согласиться с эффективностью рыночного отбора в экономической области, то довериться естественному рыночному отбору во всех областях без исключения представляется безусловно деструктивным и пагубным. Все более очевидным становится формирование новой модели человека «экономического человека». «Экономический человек» стремится свести все многообразие явлений общественной жизни и жизни вообще к единому общему знаменателю — деньгам. Соответственно все в конечном счете должно превращаться в товар, из неотчуждаемого и непродávаемого трансформироваться в предмет купли-продажи. Завершающим элементом этой цепочки, как не трудно догадаться, является покупатель, обладающий соответствующими денежными (финансовыми, долларовыми) ресурсами. Конечный результат проекта Просвещения таким образом осмысливается как завершение процесса превращения всех ценностей в товары, имеющие своего продавца и своего покупателя. Но это как раз и оценивается как триумф «очеловечивания мира», поскольку сущность человека — экономическая деятельность. Экономическая власть чувствует себя уверенно только там, где четко определено, кому и сколько надо заплатить за выгодные ей решения и действия. В этой логике можно по существу понять современную стратегию США по завоеванию мира. Пока США противостоят внеэкономические силы и факторы, мир с их точки зрения представляется иррациональным и непредсказуемым. Но как только все превращаются в товаровладельцев, продающих свои способности, компетенции, полномочия, мир становится рациональным, предсказуемым, мир становится рынком. В таком мире власть измеряется количеством долларов, предназначенных для подкупа. В этом мире владельцы наибольшего количества денег (а больше всего денег у того, кто обладает монопольным правом их печатать) автоматически оказываются наделенными наибольшей властью [8, 10]. Следовательно, все внеэкономические ценности должны быть дискредитированы. Это является конечной целью глобального либерального капитализма. В этом он по существу и видит победу «нового», гуманного мира над «старым» миром, основанном на невежестве и насилии.

Экономический тип человека стремится стать тотально преобладающим среди прочих возможных типов [8, 10]. В этой связи уместно напомнить классическую типологию «понимающей психологии» Э. Шпрангера. В ней, как известно, наряду с экономическим типом существуют политический, религиозный, теоретический, социальный и эстетический. Скептики высказывают опасения, что экономический тип человека в наши дни стремится в конечном счете отменить все остальные типы (формы жизни человека по Э. Шпрангеру) и объявить их неконкурентоспособными, нежизнеспособными и вообще архаичными и враждебными прогрессу и подлежащими искоренению.

Поскольку все перечисленные в начале статьи 4 поступала «рэндизма» радикально расходятся с традиционной культурно-исторической траекторией России, после распада СССР («империи зла» и олицетворения аморальности) прозападными инициаторами реформ предлагалось как бы обнулить всю предшествующую историю страны и считать начальной точкой рождения «Новой России» 1991 год. Превращение России в страну без истории, либо в страну с аморальной, преступной историей, (в духе Философических писем П. Чаадаева) открывало практически неограниченные возможности для любых экономических,

политических и социальных экспериментов с над ее населением. Дополнительным обезоруживающим фактором при этом был запрет на формирование какой-либо идеологии [6]. Нужно отметить, что сама Айн Рэнд абсолютно не скрывала, что вся логика ее концепции направлена против коммунизма, христианства и России, как носителя того и другого. При этом прежде всего предполагалось дистанцироваться от 70 лет советского периода, как наиболее исторически близкого и соответственно наиболее преступного и аморального, и начать строить новую «демократическую Россию» с нуля. Это должно было бы открыть принципиально новые возможности для строительства «прекрасной России будущего». По мнению А. Панарина в 1991 г. либеральные российские реформаторы, с не меньшим подозрением относившийся к стихийному народному капитализму (массовой экономической самостоятельности простых граждан России), чем в свое время большевики к народному кооперативному социализму, взяли на вооружение классическую либеральную идею в ее наиболее радикальном виде. Несмотря на то, что социальные и экономические предпосылки народного капитализма в России к этому времени вполне имелись, был выбран альтернативный, в сущности антинародный путь экономических реформ. Номенклатурная приватизация предполагала экспроприацию всех сбережений населения и монополизацию предпринимательской деятельности представителями партийной номенклатуры и прежде всего сотрудниками бывшего КГБ СССР. В основе такого сценария номенклатурной приватизации по мнению А. Панарина лежала вовсе не либеральная доктрина, а весьма низменная прагматика. Только в обмен на новый статус крупных собственников правящая номенклатурная каста согласилась на трансформацию (а в сущности на идейное предательство) прежнего политического строя. При этом нужно было некое теоретическое и идеологическое прикрытие того, что могло бы выглядеть простым воровством государственной собственности теми, у кого по должности находились ключи от государственных закров. Одновременно злостное ограждение процесса приватизации от «посторонних» в роли которых оказался собственно сам российский народ, внешне могло бы выглядеть не либерально, не в духе «открытого общества». Возникла потребность в некоем новом «единственно верном» учении, которое должно было прийти на смену марксизму-ленинизму. В качестве такого учения и выступила либеральная доктрина, в наиболее радикальной и одновременно антигуманной форме. Для модернизационных периодов весьма характерно заимствование определенных теорий и доктрин. Но что при этом делает национальная интеллигенция? Она, во-первых, старается адаптировать заимствованное учение к местным условиям и модифицировать его; и во-вторых, в случае резкого расхождения заемной теории с местным опытом отдает безусловный приоритет реальному опыту. По мнению А. Панарина либеральные реформаторы-ортодоксы вели себя прямо противоположным образом. Вместо того, чтобы адаптировать теорию, смягчая ее неадекватные крайности, они, напротив, с каким-то садизмом акцентировали эти крайности, а реальную российскую жизнь, связанную с национальным культурно-историческим наследием, объявляли патологией, подлежащей искоренению. В этом они парадоксальным образом оказывались похожими на большевиков. В свое время большевистские радикальные реформаторы противопоставляли свои идеи национальной мелкобуржуазной стихии, порождающей в России капитализм «повсеместно и в массовом масштабе». Когда же большевизм и социализм стали пугалом, а капитализм – напротив, идеалом, к которому следует стремиться, то вновь, как и в начале 20 века было объявлено, что именно русская национальная культурно-историческая традиция является изначально антикапиталистической, антилиберальной и поэтому порождает патерналистский,

иждивенческий социализм, связанный с традициями русской общинности и соборности. Выдавать, как это делают современные либеральные реформаторы в России кровавую Гражданскую войну и насильственную коллективизацию за стихийную самодеятельность российских «общинников» — по мнению А. Панарина значит просто переворачивать все с ног на голову и превращать жертв террора в его инициаторов. Но по мнению А. Панарина это делается не случайно, поскольку и большевистская модернизация и современная либерализация основаны на русофобии, несмотря на их кажущуюся противоположность. Оба этих режима объединяет то, что это режимы гражданской войны меньшинства с большинством. Русский народ в этом контексте выступает в качестве воплощения антидемократических и антилиберальных тенденций. Русская община, наряду с византийским имперско-самодержавным наследием фигурирует в роли источника современного тоталитаризма. Экономический, социологический и политологический анализ либеральных теоретиков-реформаторов имеет своей главной целью изобличить русский народ в качестве непримиримого врага свободы, рыночной экономики и демократии. При этом российские либеральные реформаторы сами загнали себя в безвыходную ловушку. Сначала они согласились на приватизацию национального богатства России узкой группой «наиболее приспособленных», полагая, что это неизбежная цена, которую следует заплатить за расставание с русским (советским) тоталитаризмом и строительство демократии в обновленной постсоветской России. В качестве эталона демократии ими вполне естественно была избрана демократия США. Далее они пришли к убеждению, что номенклатурно-мафиозная (криминальная) приватизация, жестко отстранившая большинство населения не только от собственности, но и вообще от цивилизованных условий жизни вообще, неминуемо ставит перед ними дилемму: либо народный бунт против узурпаторов, либо военно-полицейская диктатура, с помощью которой новоиспеченные олигархи (чудесным образом появившиеся миллиардеры в нищающей стране) надеются защитить свою собственность вопреки законному негодованию большинства. Диктатура, безусловно не входила в планы подавляющего числа либеральных реформаторов, сделавших, как им тогда (в начале 90-х годов, называемых теперь «лихими») казалось неизбежную уступку российской «исторической необходимости». Эта необходимость состояла в том, чтобы отдать бывшую советскую общенародную собственность в руки властвующей номенклатуры. На других условиях номенклатурная (и прежде всего чекистская) власть не стала бы менять свой режим на «демократический». Так был сделан шаг, продиктованный чисто практическими соображениями и государственная, общенародная собственность была передана в руки тех, кто еще совсем недавно считался самыми непримиримыми борцами с буржуазным строем, с капитализмом, олицетворением которого был Запад и прежде всего США. Однако при этом не следует ни на минуту забывать, что новый режим номенклатурных собственников (чекистов, бывших партийных и хозяйственных начальников, а также бандитов) ни в коем случае не является российским воплощением либерального идеала. Если уж либеральные реформаторы заняли позицию трезвых и циничных прагматиков, принимающих во внимание «реальное соотношение сил», то они не должны были пытаться дурачить население России и не называть это победой свободы и демократии над тоталитарным советским прошлым. Если вчерашние носители тоталитарного порядка, вместе со своими вчерашними привилегиями унаследовали еще и общегосударственную, общенародную советскую собственность, то в результате возникает прежний тоталитаризм, только теперь опирающийся еще и на узаконенную частную собственность. Действительно ли передача собственности сотрудников КГБ СССР была всего лишь «печальной необходимостью». Неужели либеральные

реформаторы были не способны это предвидеть, так ли уж в действительности они были легковверны, идеалистически настроены и недалёковидны? На самом деле в их действиях уже тогда имелся трезвый расчёт. Поскольку они не доверяли собственному народу, большинству населения России, которые в их глазах выглядело стадом, скопищем ленивых безответственных и агрессивных дураков (а в их терминологии врагов демократии и приверженцев тоталитаризма), то все свои надежды они с неизбежностью возлагали на тайную полицию, призванную «надежно защитить» хрупкую демократию от народа. Причем самих себя они скорее противопоставляли *этому* народу, в качестве представителей международной, космополитической элиты. Поэтому в постсоветской «новой демократической» России партийный плюрализм, рынок и собственность стали порождением бывшего КГБ СССР, сменившего свое название на более либеральное ФСБ РФ. Можно задаться вопросом: разве в самом деле чекисты (которые не бывают бывшими) являются особыми специалистами в области построения демократии или в области предпринимательства. Разве они набирались в эту организацию по признаку особой предрасположенности к тому и другому. Скорее следует признать, что дело обстояло прямо противоположным образом: критерием кадрового отбора в органы государственной безопасности тогда еще СССР служила «идейная непримиримость» к демократическим институтам и либеральным ценностям как откровенно враждебным. Логика либеральных реформаторов, приведшая их прямо в объятия полицейского авторитарного государства такова: для того чтобы демократия, рынок и собственность выжили в столь неблагоприятной среде, какой является для них российская реальность, их надо сделать «своими», а на первых порах непременно безраздельно своими для чинов тайной полиции и других силовиков – уж они-то сумеют их защитить от народа надежнее, чем кто-либо другой. Эту власть спецслужб можно было бы назвать «пятой властью» - по аналогии с общеизвестными четырьмя властями (исполнительной, законодательной, судебной и независимыми СМИ. Каждая из указанных властей имеет свои специфические установки, а также свой объект и свою проблемную сферу, Специфическим антиподом исполнительной власти является неуправляемость, законодательной и судебной — нелегитимность, а СМИ как «фабрика общественного мнения» — стихийность циркуляции информации и слухов, либо их целенаправленное искажение, цензура или полное блокирование. Зададимся вопросом, а чему противостоит «пятая власть», в чем она видит своего антипода? Профессиональное самоопределение этой власти, получившей название тайных спецслужб или спецслужб, строится на дихотомиях: специальное — общедоступное, тайное — гласное. Следовательно здесь имеет место что-то принципиально противоположное демократической морали открытого общества, основой которого является принцип политической конкуренции и гласности. Выборной «республике народных депутатов» (народных избранников, представителей) противопоставляется тайная власть экспертов. Дилетантизму публичных политиков — тайное специальное знание прячущихся за кулисами профессионалов-манипуляторов, касающееся тайных пружин и теневых сторон политики, которая в принципе не подлежит публичному разглашению (является служебной, коммерческой и в конце концов государственной тайной). Следовательно «пятая власть» несовместима не только с провозглашенными принципами демократии: народный контроль, подотчетность, легитимность, но и вообще с принципами Просвещения, исходящего из доверия к разуму и моральным качествам рядового гражданина. С позиции сотрудников спецслужб и в этом они парадоксальным образом сходятся с либералами-глобалистами, причисляющими себя к международной элите и презирающими народное большинство, необходимо всячески

расширять применение теневых практики, отходить от традиционной рациональности и легитимности. Вместо единого морального и поведенческого стандарта полагается необходимым придерживаться двойного: для внешнего народного большинства и для избранного меньшинства. Различие между либералами-глобалистами и силовиками только в том, что первые считают себя частью международного клуба элит, а вторые – своего рода орденом рыцарей меченосцев. Однако и те и другие считают народное большинство в лучшем случае пассивным стадом, сборищем наивных недотеп, которыми нужно руководить, которых следует наказывать и абсолютно допустимо обманывать и подвергать манипуляции. Общество в результате как бы возвращается в эпоху средневековья. Чем шире полномочия спецслужб, тем более призрачным становится народовластие. Эта ситуация постепенно становится все более оскорбительной не только для широкой общественности, но и для публичных политиков, все чаще чувствующими себя марионетками в театре кукол.

Интересно отметить, что аналогичная логика действует в наше время не только в России, но и в глобальном масштабе. Как только современные либералы поставили под сомнение приверженность большинства ценностям свободы и демократии, им ничего не осталось как возложить функцию всемирного полицейского на США как единственную сверхдержаву, призванную защитить демократическое прогрессивное меньшинство от антидемократического архаичного большинства. При этом в России проводники американского «нового мира» с невероятной энергией и энтузиазмом приступили к борьбе с национальным и культурным наследием. Обнаружился удивительный феномен: превращение преподавателей научного коммунизма и пропагандистов советского образа жизни в пропагандистов «самой передовой» американской политической культуры и американского образа жизни. Это не просто проявление привычного конформизма людей, беспрекословно выполняющих приходящие сверху приказы. Дело еще и в удивительном сходстве между «новым человеком» большевизма и «новым человеком» американизма. Большевистский «новый человек» завоевывал страну, полную «старых людей» обремененных грузом прошлой культуры и морали. Надо было всеми силами ускорить уход старого поколения, без которого в Советской России не могла расцвести новая жизнь. В начале 90-х годов либеральные реформаторы задумали в корне перестроить посткоммунистическую Россию и жалуются на пережитки культурного наследия («совка»). Теперь уже либералы обвиняют коммунистов в том, что они перетаскивают старые культурные и державные мифы в новой упаковке (СССР — возрожденная Российская Империя, а Сталин – новый царь). Вновь, как и в случае с большевистской индустриализацией и коллективизацией, либеральная приватизация сопровождается культурной чисткой. «Мораль» и «культура», как и «патриотизм» и «отечество», стали в «лихие 90-е» ругательными словами в войне с национальным менталитетом России. При этом особенность «культурной революции» либерализма по сравнению с культурной революцией большевизма заключается в том, что тогда «новый человек» - завоеватель и разрушитель старого мира – должен был прийти из будущего, которое предстояло сконструировать (утопия); теперь же оказалось, что «новый человек» (в частности «новый русский») уже существует — он пришел к нам из США как победитель в «холодной войне». Задача либеральной пропаганды в 90-е годы в постсоветской России по сравнению с марксизмом-ленинизмом (объявленным либералами бредом) была проще и примитивнее. Вместо того чтобы искать черты нового общества и нового человека в текстах «Великого марксистско-ленинского учения», их теперь предстояло просто заимствовать из США. Марксистско-ленинский теоретический утопизм превратился в раблепный «реализм» копировальщиков американского опыта. Теоретики, вышедшие из научного коммунизма,

сохранив полностью установку на решительный и бесповоротный разрыв с проклятым прошлым, перенесли весь свой восторг перед светлым будущем на США. Теперь «светлым будущим» стал американский капитализм, американская «свобода и демократия». Соответственно политическое устройство США и их образ жизни, согласно догматам на этот раз не «научного коммунизма», а «научного либерализма», требуют не менее скрупулезного изучения и неуклонного следования, чем тексты научного коммунизма.

Таким образом, было бы принципиально ошибочно и даже нелепо игнорировать ту абсолютно закономерную контр тенденцию, которая возникла в отношении либеральных реформ 90-х гг. в России в связи с приходом к власти В. Путина. По мнению значительного числа обществоведов перед современным российским обществом весьма остро стоит проблема глубокого и всестороннего переосмысления ненасильственной ликвидации СССР. Подобное критическое переосмысление того, что произошло с Советским Союзом было абсолютно невозможно в 90-е годы в период правления Б. Н. Ельцина. Ельцин и окружавшие его либералы очень болезненно реагировали на любую попытку обращения к тематике 1991 г. — распаду СССР. Причина заключалась в том, что для них обращение к данной проблеме означала покушение на важнейшую политико-идеологическую опору всего создаваемого ими постсоветского российского режима. Исторической точкой, когда эта ситуация начала меняться можно считать уже широко цитируемую сейчас фразу В. В. Путина о том, что «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века», произнесенную им 25 апреля 2005 г. Появился даже термин «лихие девяностые». Данная тенденция выражается по крайней мере в трех направлениях:

1. Стремление восстановить и утвердить национально-государственный суверенитет России на международной арене в качестве правопреемника СССР, а в идеале, в некоторой отдаленной перспективе восстановить двух-полярное мироустройство (некий аналог «ялтинского» мира).

2. Непрерывное нарастание роли государства во внутренней политике и прежде всего в экономике (в экономике - так или иначе замаскированное).

3. Стремление выработать национальную идеологию взамен коммунистической. Стержнем этой новой национально-государственной идеологии России объявляется православие.

Эти тенденции, в свою очередь, сопровождаются неуклонным ростом роли бюрократии (аналога советской парт-номенклатуры), спецслужб, армии, полиции, а также РПЦ. Сопутствующими явлениями этих процессов можно считать тесно связанные между собой рост оценки значимости исторической роли И. Сталина и культ победы в Великой отечественной войне, приведшей к установлению двух-полярного «ялтинского» мира. Современная Российская власть все более громко заявляет о себе как о правопреемнице и продолжательнице Советской власти, организаторе Великой победы во второй мировой (Великой Отечественной войне).

Как указывает в своей статье А. Климов [7], отход от социализма к капитализму – не просто смена экономической системы как якобы менее эффективной на более эффективную. За этим переходом стоит кардинальный переворот мировоззренческой парадигмы – смена духовно-нравственных ориентиров. Сущностное, цивилизационное различие между капитализмом и социализмом лежит не в сфере производства или перераспределения прибыли – а в области морали и этики. В этом пункте диакон А. Климов оказывается полностью солидарным с Айн Рэнд, с изложения взглядов которой мы начали свою статью. Только представления о морали и этике в данном случае радикально, можно даже сказать

диаметрально противоположны. Антихристианская сущность капитализма многократно обличалась христианской (славянофильской) мыслью еще в XIX в. Единственной этической альтернативой капитализму оказывается социализм — именно на этической критике капитализма он формировался в истории. В своей работе «Христианство и социализм» С. Булгаков пишет: «капитализм есть организованный эгоизм, который сознательно и принципиально отрицает подчиненность хозяйства высшим началам нравственности и религии. Никогда еще в истории не проповедовалось и не проводилось в жизни такое безбожное, беспринципное служение золотому тельцу, низкая похоть и корысть». Здесь уместно процитировать слова Иоана Златоуста, что «ничто так не прогневляет Бога как несправедливое отношение к бедным». В 15-16 вв. в Западной Европе возникло противоречие, потребовавшее религиозной реформы. Проблема состояла в том, чтобы, с одной стороны, государство было экономически сильным и люди в нем стремились к богатству, но с другой стороны — чтобы при этом они почитали мораль и веру. Начинается раскол католической Церкви приведший к попыткам присоединить Россию (Московию) в начале XV в. (так называемое «смутное время») к католическому миру. Страстные обличительные речи Мартина Лютера, направленные против католицизма породили протестантизм, эволюционировавший в кальвинизм и далее в капитализм. Хотя Кальвин говорил, что Бог метит своих избранных не только богатством, но и страданием, вторая часть не нашла признания. Люди слышали только то, что деньги есть признак богоизбранности. Это было революционно новое заявление. Религия Кальвина фактически узаконила добывание денег любыми путями. Вероятно не случайно кальвинизм получил наибольшее распространение в Швейцарии — «самом надежном банке» Европы. Выстраивается следующая логика: раз Бог кого-то делает богатым, значит, Он награждает богатством человека и указывает таким образом на его избранничество. Богатые богаты потому, что они трудолюбивы и бережливы, а бедные бедны, потому, что они праздны и расточительны. Диакон А. Климов особо подчеркивает [7], что избранничество через страдания не получило в протестантизме развития. В результате ориентирами становятся материальное благополучие и богатство. Избранность начинает определяться не поступками и делами, а деньгами. Богатый и избранный становятся синонимами. Бедность теперь оказывается признаком греховности, а вовсе не праведности. Это как раз наиболее выпукло проявляется в философии «рэндизма». В центре новой (протестантской, а затем секулярной) модели располагается уже не Бог, а человек. Это находит отражение в фундаментальном гуманистическом лозунге «Все во имя человека, все для блага человека». Примечательно, что такая мировоззренческая позиция весьма органично вытекает из формулы античного софиста и материалиста Протагора «Человек есть мера всех вещей». Диакон А. Климов констатирует [7], что рыночная экономика основана на особой асоциальной системе ценностей, совершенно калечащей русское самосознание. В этом, по его убеждению, действительная и главная угроза гибели русской цивилизации. Он настаивает на том, что капиталистические принципы хозяйствования и жизни вообще (которые так жестко формулирует Айн Рэнд) никогда не были (если не считать незначительного предреволюционного периода конца XIX-начала XX века) свойственны России, русскому народу и русской государственности. Эти же принципы (самодержавной России) полностью были сохранены в советской (коммунистической) России XX века. В результате оказалось невозможным иметь «американскую» модель хозяйственно-экономической организации и при этом сохранять традиционное русское (православное, коммунистическое, соборное, жертвенное) мировоззрение. Фактически солидаризируясь с Айн Рэнд, но занимая диаметрально

противоположную ей позицию А. Климов констатирует, что рыночная экономика невозможна без особой рыночной идеологии, перестраивающей всю систему общественных отношений по законам рынка. Если основой социальных отношений в традиционных обществах (а Россия всегда была и позиционировала себя как традиционное общество, как наследница и правопреемница славного и великого исторического прошлого, Римской империи, Византии, а в настоящее время - СССР) являлись устоявшиеся нравственные нормы религиозного характера, то рынок предлагает новую и универсальную (без-национальную и без-религиозную, светскую) основу социальной самоорганизации – меркантильный интерес. Индивидуализм – фундаментальный антропологический корень капитализма, его духовно-психологическая интенция. Как утверждает диакон А. Климов [7] протестантизм не случайно стал одним из краеугольных камней европейского капитализма. В его доктрине личной избранности, индивидуального спасения, в отсутствие того, что представлено в понятии о соборном единстве, дух капитализма нашел себе фундаментальное религиозное оправдание. Симптоматично, подчеркивает А. Климов, что протестантизм является конечной ветвью европейского христианства, результатом его реформации, где христианство иссякает (возможно трансформируясь в атеизм, возможно возвращаясь к своим иудаистским первоисточкам, идее спасения избранного Богом меньшинства). Но главное — в историческом и духовно-религиозном смысле можно сказать: там, где кончается христианство – начинается капитализм. И здесь вновь позиции Айн Рэнд и диакона А. Климова полностью совпадают. Только А. Рэнд осмысляет это как торжество справедливости (высшее благо), а диакон А. Климов — как, напротив, абсолютную победу мировой несправедливости (высшее зло). Капитализм немислим без индивидуализма, любое рыночное предпринимательство не просто ориентировано, а обязано быть ориентированным на личный интерес. В начале 90-х годов XX века в период экономических реформ в России были популярны лозунги: «Богатые граждане – богатое государство»; «Обогащая себя – обогащаешь общество». Однако лживость этих заявлений все более очевидна. По последним данным число долларовых миллиардеров, проживающих в Москве приближается к их числу, проживающему в Нью-Йорке. При этом с одной стороны наблюдается обнищание значительных масс населения, а с другой, отношения с США (теперь вроде бы идеологическим партнером, а не противником) становятся все хуже и антогонистичнее. Очевидно, что эти лозунги были нужны лишь для преодоления нравственно-психологического барьера и старта капиталистической гонки. Основное нравственное различие между капитализмом и социализмом, констатирует диакон А. Климов, как раз в том и состоит, что капиталистический способ производства экономически нуждается в грехе (алчности предпринимателей и развращенности потребителей), а социалистический способ производства экономически нуждается в добродетели (честность, бескорыстность, справедливость). Капиталистический способ производства делает ставку на «низ», на темные стороны человеческой природы, которые он воспринимает как естественные, социалистический — на самые светлые, на «верх», которые воспринимаются им как идеальные. В этом суть вечного трагичного противостояния России и «Запада» (как тут не вспомнить знаменитую фразу Р. Киплинга), олицетворением которого является «Англосаксонский мир» (США и Британское содружество).

Справедливости ради следует сказать, что существуют гораздо более радикальные и критические подходы к интерпретации либерализма в рамках русских традиционных консервативных ценностей. При этом не только капитализм и лежащий в его основе либерализм подвергается уничтожающей критике. Аналогичной критике подвергается и защищаемый А. Климовым в качестве традиционного для России социализм. Оба этих

направления общественной жизни рассматриваются как изначально чуждые и враждебные русскому мировоззрению и русской цивилизации. Их предлагается рассматривать в контексте конспирологической доктрины в качестве изначально пагубных для России и злонамеренно привнесенных извне разрушительных идеологий. Данный подход, например, представлен в Большой энциклопедии русского народа [13]. Либерализм — антихристианская идеология, ставящая своей целью «развенчание» вечных истин Нового Завета, уничтожение религии, монархии и национального мировоззрения и подмену их идеями стяжательства, погони за деньгами и плотскими удовольствиями, выдаваемыми за истинное выражение свободы воли человека. Либерализм отрицает непогрешимость Священного Писания, стремится свести на нет роль национальных традиций и обычаев, а также признанных национальных авторитетов. Разрушение христианства либерализм начинает с требования критических проверок вероучения, призывает адаптировать христианские идеи к современному нерелигиозному мышлению, изменить язык и форму подачи Евангельской вести, изъять из Нового Завета часть текстов, раскрывающих роль иудеев в Богоубийстве. Последнее требование является ключом к раскрытию иудейских корней генезиса либерализма. Развитие либерализма от Спинозы и Дизраели до Фридмана и Хпйека показывает, что его крупнейшими идеологами были иудеи, и первые требования, которые выдвигал либерализм, касались требований в защиту ценностей талмуда, введение свободной торговли, ограничения прав христианской Церкви и христианской монархии. Развитие либерализма шло рука об руку с развитием масонства, взаимно дополняя друг друга. В середине 19 века наиболее радикальное крыло либерализма перерастает в социализм [13].

Социализм — антихристианская идеология построения утопического общества «всеобщей справедливости, материального благоденствия и изобилия». По определению философа А. Ф. Лосева является одной из сторон (наряду с капитализмом) развертывания сатанинского духа неприятия христианской цивилизации, основанной на духовных ценностях Нового Завета. Первые зачатки социалистической идеологии связаны с деятельностью иудейских сект, тайных обществ и масонских лож, ставивших своей целью разрушение христианского миропорядка и построения на его руинах нового общества. Социалистическое революционное движение было воплощением разных сторон иудейско-талмудического мессианства. Представители его жили религиозным ожиданием наступления новой эпохи, когда роль «спасителей человечества» будет играть «избранный народ». История социалистической революции и построения социализма в России шла по пути осуществления антихристианских «идеалов» иудейского мировоззрения, стремления к человекобожеству, к царству земному, к торжеству антихриста. И в этом историческом случае еврейский вопрос в России осуществлялся как вопрос религиозный, хотя на первый взгляд казался более политическим и социальным. Социализм, коммунизм, а впоследствии и еврейский большевизм всегда были сродни иудейскому мессианству [13].

Возвращаясь все же к умеренной позиции, занимаемой А. Климовым, можно сказать следующее. Сопоставление позиций Айн Рэнд и диакона А. Климова позволяет выдвинуть *гипотезу* о том, что современная российская власть стремится легитимировать богатство через православную этику и тем самым *снять противоречие* между обогащением, составляющим суть капитализма и приверженностью изначально заповедям христианства. Таким образом, западному порочному и аморальному протестантскому капитализму противопоставляется моральный и праведный русский православный капитализм. Если западный капитализм зиждется на эгоизме, индивидуализме, гедонизме, правах отдельной личности, то русский капитализм опирается на коллективизм, приоритет государственных

интересов над индивидуальными, альтруизм, служение, самопожертвование и страдание. Эта этика самоотверженного служения, как не трудно видеть, хорошо описывает функционирование уже упомянутых выше *ключевых институтов современной России*: спецслужб, армии, полиции, бюрократии, русской православной церкви. Все они основаны на принципе жесткого иерархического подчинения нижестоящих приказам вышестоящих. Служение интересам страны и народа в своем концентрированном виде предстает как служение Российскому государству (Великой Державе). Служа власти, отстаивая ее интересы, человек служит народу, Родине (Отечеству) и Богу. (За Веру, Царя и Отечество). Такое служение и является моральным оправданием богатства. При этом лучше всего интересы власти естественно и знает сама власть. Соответственно всякое иное богатство является одновременно аморальным и преступным и подлежит изъятию, конфискации. Если советская коммунистическая идеология была направлена на этическое оправдание экономического равенства, то современная российская идеология, опираясь на ортодоксальное православное христианство, стремится этически обосновать все нарастающее экономическое неравенство, поляризацию богатства и бедности.

В контексте данной проблематики рассмотрим некоторые из теоретических подходов к проблеме последствий распада СССР. Нужно отметить, что еще задолго до краха СССР и мировой социалистической системы делались пессимистические прогнозы, пытавшиеся обосновать неизбежность этого краха. Например, это можно обнаружить в работе Л. Троцкого «Что такое СССР и куда он идет» (1936) или в произведении М. Восленского «Номенклатура» (1980) [5]. Осмыслить большевистскую революцию в более широком культурном контексте российской истории пытался Н. Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937). Одно только перечисление теоретических работ, посвященных данной теме заняло бы очень много места. Вместе с тем, нам бы хотелось остановиться на попытках интерпретировать период существования СССР и причин его распада, предпринятых уже в постсоветский период, так сказать ретроспективно. Более конкретно мы хотели бы зафиксировать основные позиции, касающиеся перспектив, открывающихся перед постсоветской Россией, отраженных в подходах М. Урнова, А. Проханова, а также изложенной в относительно недавней работе В. Суркова «Долгое государство Путина».

Сотни лет — пишет М. Урнов [9], — Россия ощущала себя великой державой, влияющей на ход мировой истории. Это ощущение стало одной из основ российского национального самосознания. Но верить в империю сегодня, утверждает М. Урнов — значит оторваться от реальности и поверить в миф. В 1917 г. Российская империя распалась, надорвавшись в войне и не выдержав экономической конкуренции с Западом. Большевизм по убеждению М. Урнова, продлил агонию империи самым кровавым способом, уничтожив одну и поработив другую часть населения, насильно вернув отвалившиеся окраины, построив военизированную и неэффективную экономику. При этом был нанесен чудовищный удар по генофонду нации. В XX веке в России настолько истощился человеческий ресурс, что она уже не способна быть ни великой державой, ни империей. Количественно народ России сокращается, качественно — ухудшается. Особенно бросается в глаза низкое качество элиты, дефицит хороших управленцев и квалифицированной рабочей силы. С таким человеческим капиталом по убеждению М. Урнова, Россия не сможет эффективно распорядиться даже теми ресурсами, которые у нее есть. Не говоря уже о том, что природные запасы истощаются, а износ машин и оборудования в экономике достигает 70-80%.

Логика воскрешения империи, продолжает М. Урнов [9], предполагает создание мощной наступательной армии. Но даже в схватке с таким заведомо слабым противником как Грузия в 2008 г. можно было наблюдать плохое вооружение и управление российской армией. Сможет ли Россия в таком случае конкурировать в военном отношении с таким государством как Китай? Через несколько лет китайские расходы на оборону будут в несколько раз превышать российские. США и объединенная Европа уже сейчас тратят на оборону в 20 раз больше России. Если Россия выберет пушки вместо масла, значит ее население и дальше будет сокращаться и качество его падать. Даже если империя и возродится, то жить в ней будет не очень большое количество людей и то преимущественно алкоголиков.

Перед страной два пути, констатирует М. Урнов: либо Россия снимет с себя розовые очки, осознает ограниченность своих возможностей, либо пускается в имперскую авантюру и обрекает себя на деградацию. Выбрав второй, имперский путь, продолжает М. Урнов, Россия не может обойтись без военно-стратегического союзника. Потенциальных союзников у нее три: исламский мир, Китай и Запад. Лучшим в этой троице, по мнению М. Урнова, для России был бы Запад. Но Россия вновь наступает на советские грабли, пытается соревноваться именно с Западом. СССР был гораздо богаче нынешней России. Кроме того советский народ был готов к лишениям и жизни в условиях мобилизационной экономики. Но и СССР, ввязавшись в гонку вооружений с Западом, разорился вчистую. Кто сейчас в России действительно готов жертвовать своим благополучием для того, чтобы показать Америке «кузькину мать». Поймет ли большинство россиян предложение власти ради имперских целей вновь «затянуть пояса»? Но если даже россияне и согласятся на реставрацию советского имперского прошлого, то пойдут ли на это граждане бывших советских республик? Реально ли ожидать, что Латвия, Эстония, Литва, Украина, Грузия, Азербайджан, Армения захотят вновь войти в состав возрожденной великой страны? Завершая свои рассуждения, М. Урнов подчеркивает, что глупо считать будто бы счастливы в этом мире только огромные и вооруженные до зубов страны. Мир разнообразен. Маленькая Дания когда-то тоже была очень большой страной, как и Швеция до сражения под Полтавой. Закат своих империй европейцы переживали болезненно — англичане говорят, что «фантомные боли» от утраты колоний преследовали их сорок лет. Но став «маленькими» Дания и Швеция по убеждению М. Урнова в действительности выбрали правильную стратегию. Они стали улучшать качество жизни. Они демонстрируют пример того, как вместо болезненных переживаний по поводу утраты империи и бесплодных попыток ее возродить можно сделать созидательную работу. Нужно только трезво оценить свои силы и чужие угрозы и строить страну, в которой ее гражданам достойно и хорошо живется.

Противоположную позицию отстаивает патриотически и имперски мыслящий писатель и общественный деятель Александр Проханов [9]. История России, по мнению Проханова — это история нескольких империй. Они достигали расцвета, рушились и вновь чудесным образом воссоздавались — уже под новыми именами, с новой идеологией. Каждый раз, убежден А. Проханов, когда Российская империя теряла этот свой статус, наступал хаос, деградация, неисчислимы бедствия для народа.

Кратко, концепция смены четырех российских империй выглядит следующим образом.

Первая империя, Киевско-Новгородская была уничтожена татара-монголами. Вторая — Московское царство, закончилось Смутным временем, когда окраины опять победили централизм и Россия подчинилась иноземным завоевателям. Третья — Романовская империя просуществовала 300 лет. Она построила флот и оружейные заводы, открыла университеты, дала миру Пушкина и разгромила Наполеона. Развалилась эта империя в феврале 1917 г.,

когда вновь на непродолжительное время восторжествовали либеральные индивидуалистические ценности. Сталин, по мнению А. Проханова, вытащил Россию из бездны. Жестокими методами была построена четвертая, советская империя, благодаря которой мировая цивилизация победила фашизм, покорила космос, достигла небывалых высот в науке и культуре. В начале 90-х годов либералы разрушили теперь уже СССР. Но в конце 90-х годов в начале 2000-х было решено отказаться от нежизнеспособной идеи национального государства. Началось возрождение Российской империи, совпавшее с приходом к власти В. Путина. Отбирая у России Украину, Прибалтику, Закавказье, убежден А. Проханов, Запад пытается запаять ее в стальной кокон из враждебных государств. Традиционно это называется «сдерживанием России». Если «окна», которые когда-то прорубал Петр Первый закроются, российские нефть, газ и другие богатства ничего не будут стоить — Россию просто закупорят вместе с ними. Империя, по мнению А. Проханова, создает вокруг себя своего рода «кольца безопасности». Чем больше пространства контролирует страна, тем меньше вероятность, что она будет сожрана другими. Нам говорят, пишет А. Проханов, почему бы России не жить как Швейцария. Голландия или, на худой конец, как Франция. Есть проект сокращения населения России до 60 млн. человек. Этим 60 млн. обеспечат сытую жизнь, но лишат суверенитета и возможности жить самостоятельно. В мире всего несколько имперских проектов. Американский, европейский, китайский, исламский. В этой «давке слонов» Россия может выжить лишь построив собственную империю. Альтернатива этому – катастрофа. Исламская империя возьмет себе Северный Кавказ и Поволжье, Китай — Сибирь и дальний восток, турки — Крым и часть Средней Азии, Европа – Белоруссию и Украину. По крайней мере таким видится А. Проханову негативный сценарий будущего для России. Глубинное русское сознание, убежден А. Проханов, неотделимо от империи [9].

В действительности концепция пяти империй А. Проханова не является абсолютно оригинальной. Она практически в точности воспроизводит взгляды известного русского мыслителя, историка и религиозного философа, философа истории и культуры, публициста Георгия Петровича Федотова (1886-1951). В своей работе «Россия и свобода» он пытается определить принадлежит ли Россия к кругу народов Западной культуры или к Востоку. Поскольку русская культура создавалась на периферии обеих культур (Восток и Запад), взаимоотношения с ними в культурной традиции можно разделить на 4 основных этапа.

1. Киевская Русь.
2. Эпоха Московского царства.
3. Новая эпоха. Российская империя (от Петра I до революции)
4. Современность (Империя Сталина для Федотова).

Первый этап характеризуется свободным восприятием идей Византии, Запада и Востока. Период монгольского ига – период вынужденной изоляции и мучительного выбора между Востоком (Орда) и Западом (Литва). Третий этап в русской культуре знаменует торжество западной цивилизации, но существующий антагонизм между дворянством и народом, разрыв их культур послужил причиной неудачи европеизации России. Еще в 40-е годы XX в., предвидя падение советской империи, Федотов пророчески утверждает, что оно будет для России моментом величайшей опасности. Россия не хуже, чем «плави́льный котел» США, но по другой социальной схеме, может дать образец равноправного и мирного сожительства многих народов не под гнетом, а под духовным покровительством великой нации, усваивая достижения которой народы приобщаются к мировой цивилизации.

Весьма сходные представления изложены другим известным русским мыслителем, религиозным философом Николаем Александровичем Бердяевым (1874-1948) в одной из его поздних работ «Русская идея» (1946). Н. А. Бердяев дает характеристику русскому народу, называя его в высшей степени поляризованным народом, в котором уживаются такие противоположности, как доброта и жестокость, вольность и деспотизм, государственность и анархия, искание бога и воинствующее безбожие. Противоречивость и сложность «русской души», а, следовательно, и русской культуры, философ объясняет столкновением и взаимодействием двух мощных культурных потоков — Востока и Запада. Русская культура и русский народ соединяют в себе два мира — европейский и азиатский. Россия — это огромный «Восток-Запад» (Евразия). В силу борьбы западного и восточного начал русский культурно-исторический процесс обнаруживает прерывистость и даже катастрофичность. Русская культура в ходе своего развития, по мнению Н. А. Бердяева, уже создала 5 самостоятельных образов (периодов):

1. Киевский.
2. Татарский,
3. Московский.
4. Петровский.
5. Советский.

Впереди, по мнению Бердяева — новая Россия.

Как нам представляется, вектор заданный А. Прохановым, продолжает статья В. Суркова «Долгое государство Путина» [12]. Как отмечает В. Сурков, противоестественный и антиисторический распад России был, пусть и запоздало, но твердо остановлен. Обрушившись с уровня СССР до уровня РФ, Россия рушиться прекратила, начала восстанавливаться и вернулась к своему естественному и единственно возможному состоянию великой, увеличивающейся и собирающей земли державной общности народов. Уникальная роль, отведенная России в мировой истории, не позволяет уйти со сцены или отмолчаться, не сулит покоя и предопределяет непростой характер российской государственности. И вот, констатирует В. Сурков — государство Россия продолжается, и теперь это государство нового типа, которого у нас еще не было. Оформившееся в целом к середине нулевых, оно пока мало изучено, но его своеобразие и жизнеспособность очевидны. Стресс-тесты, которые оно прошло и проходит, показывают, что именно такая, органически сложившаяся модель политического устройства явится эффективным средством выживания и возвышения российской нации на ближайшие не только годы, но и десятилетия, а скорее всего и на весь предстоящий век.

Русской истории известны, таким образом, четыре основные модели государства, которые условно могут быть названы именами их создателей: государство Ивана Третьего (Великое княжество/Царство Московское и всей Руси, 15-17 века); государство Петра Великого (Российская империя, 18-19 века); государство Ленина (Советский Союз, 20 век); государство Путина (Российская Федерация, 21 век). Созданные людьми, выражаясь по-гумилевски, «длинной воли», эти большие политические машины, сменяя друг друга, ремонтируясь и адаптируясь на ходу, век за веком обеспечивали и будут обеспечивать в случае государства Путина русскому миру упорное движение вверх. При этом В. Сурков в отличие от А. Проханова, Г. Федотова, Н. Бердяева исключает из истории российской государственности Киево-Новгородскую, домонгольскую Русь, собственно принявшую христианство в 988 г.

Чужеземные политики приписывают России вмешательство в выборы и референдумы

по всей планете. В действительности, дело еще серьезнее — Россия вмешивается в их мозг, и они не знают, что делать с собственным измененным сознанием. С тех пор как после провальных 90-х Россия отказалась от идеологических займов и начала сама производить смыслы и перешла в информационное контрнаступление на Запад, европейские и американские эксперты стали все чаще ошибаться в прогнозах. Их удивляют и бесят «необъяснимые» предпочтения своих собственных избирателей. Растерявшись, они объявили о нашествии популизма. Можно сказать и так, если нет подлинного понимания.

Между тем интерес иностранцев к русскому политическому строю понятен. Они не могут объяснить, что происходит у них. Но зато все сегодня с ними происходящее Россия давно уже напророчила. Когда все еще были без ума от глобализации и шумели о плоском мире без границ, Москва внятно напомнила о том, что суверенитет и национальные интересы имеют значение. Тогда многие уличали нас в «наивной» привязанности к этим старым вещам, якобы давно вышедшим из моды. Учили нас, что нечего держаться за ценности 19 века, а надо смело шагнуть в век 21, где будто бы не будет никаких суверенных наций и национальных государств. В 21 веке вышло, однако, по-нашему. Английский брекзит, американский «мэйк Америка грейт эгейн», анти-иммиграционное отгораживание Европы — лишь первые пункты пространного списка повсеместных проявлений де-глобализации, ресуверенизации и национализма.

Если на каждом углу восхваляли интернет как неприкосновенное пространство ничем не ограниченной свободы, где всем якобы можно все и где все якобы равны, именно из России прозвучал отрезвляющий вопрос к одуроченному человечеству: «А кто мы в мировой паутине — пауки или мухи?». И сегодня все ринулись распутывать Сеть, в том числе и самые свободолобивые бюрократии, и уличать фейсбук в потворстве иностранным вмешательствам. Некогда вольное виртуальное пространство, разрекламированное как прообраз грядущего рая, захвачено и разграничено киберполицией и киберпреступностью, кибервойсками и кибершпионами, кибертеррористами и киберморалистами.

Когда гегемония «гегемона» никем не оспаривалась и великая американская мечта о мировом господстве уже почти сбылась и многим померещился конец истории (Френсис Фукуяма) с финальной ремаркой «народы безмолвствуют», в наступившей было тишине вдруг резко прозвучала Мюнхенская речь Путина. Тогда она показалась диссидентской, крамольной. Сегодня же все в ней высказанное представляется само собой разумеющимся — Америкой недовольны все, в том числе и сами американцы.

Не так давно, пишет В. Сурков, малоизвестный термин *derin devlet* из турецкого политического словаря был растиражирован американскими медиа, в переводе на английский прозвучав как *deep state*, и уже оттуда разошелся по нашим СМИ. По-русски получилось «глубокое» или «глубинное государство». Термин означает скрытую за внешними, выставленными напоказ демократическими институтами жесткую, абсолютно недемократическую сетевую организацию реальной власти силовых структур. Механизм, на практике действующий посредством насилия, подкупа и манипуляции и спрятанный глубоко под поверхность гражданского общества, на словах (лицемерно или простодушно) эти манипуляцию, подкуп и насилие осуждающего. Обнаружив у себя внутри малоприятное «глубинное государство», американцы, впрочем, не особенно удивились, поскольку давно о его наличии догадывались. Если существует *deep net* и *dark net*, почему бы не быть *deep state* или даже *dark state*? Из глубин и темноты этой непубличной и не афишируемой власти всплывают изготовленные там для широких масс лучезарные миражи демократии — иллюзия выбора, ощущение свободы, чувство превосходства и пр.

Недоверие и зависть, используемые демократией в качестве приоритетных источников социальной энергии, необходимым образом приводят к абсолютизации критики и повышению уровня тревожности. Извергающие ненависть тролли и примкнувшие к ним злые боты образовали визгливое большинство, вытеснив с его позиции некогда задававший совсем другой тон достопочтенный средний класс. В добрые намерения публичных политиков теперь никто не верит, им завидуют и потому считают людьми порочными, лукавыми, а то и прямо мерзавцами. Знаменитые сериалы о жизни политиков от «Босса» до «Карточного домика» соответственно рисуют натуралистические картины мутных будней власти. Мерзавцу нельзя дать зайти слишком далеко по той простой причине, что он мерзавец. А когда кругом (предположительно) одни мерзавцы, для сдерживания мерзавцев приходится использовать мерзавцев же. Клин клином, подлеца подлецом вышибают... Имеется широкий выбор подлецов и запутанные правила, призванные свести их борьбу между собой к более-менее ничейному результату. Так возникает благодетельная система сдержек и противовесов — динамическое равновесие низости, баланс жадности, гармония плутовства. На самом деле это всего лишь комедия, разыгрываемая марионетками и шутами. Но если кто-то все-таки заигрывается и ведет себя дисгармонично, бдительное глубинное государство незамедлительно вмешивается и невидимой рукой утаскивает играющего не по правилам на дно.

Государство у нас не делится на глубинное и внешнее, оно строится целиком, всеми своими частями и проявлениями наружу. Самые brutальные конструкции его силового каркаса идут прямо по фасаду, не прикрытые какими-либо архитектурными излишествами. Бюрократия, даже когда хитрит, делает это не слишком тщательно, как бы исходя из того, что «все равно все все понимают».

Высокое внутреннее напряжение, связанное с удержанием огромных неоднородных пространств, и постоянное пребывание в гуще геополитической борьбы делают военно-полицейские функции государства в России на протяжении всей ее многовековой истории важнейшими и решающими. Их традиционно не прячут, а наоборот, демонстрируют, поскольку Россией никогда не правили торговцы (почти никогда, исключения — несколько месяцев в 1917 году и несколько лет в 1990-х), считающие военное дело ниже торгового, и сопутствующие торговцам либералы, учение которых строится на отрицании всего хоть сколько-нибудь «полицейского», принудительного. Некому было драпировать правду иллюзиями, стыдливо задвигая на второй план и пряча поглубже имманентное свойство любого государства — быть силовым, насильственным орудием защиты и нападения.

Глубинного государства в России нет, оно все на виду, зато есть глубинный народ. Это неизбежное следствие мощи государственного насилия, принуждения и подавления. На декоративной поверхности блистает элита, век за веком активно (надо отдать ей должное) вовлекающая народ в некоторые свои мероприятия — партийные собрания, войны, выборы, экономические эксперименты. Народ в мероприятиях участвует, но несколько отстраненно, на поверхности не показывается, живя в собственной глубине совсем другой жизнью. Две национальные жизни, поверхностная и глубокая, иногда проживаются в противоположных направлениях, иногда в совпадающих, но никогда не сливаются в одну. Государство, как орудие насилия и принуждения с одной стороны. Народ, как объект приложения этого насилия и принуждения — с другой. Глубинный народ всегда себе на уме, недостижимый для социологических опросов, агитации, угроз и других способов прямого изучения и воздействия. Он благоразумно прячется от государства, которое хочет до него дотянуться, поскольку это обычно плохо для него заканчивается. Понимание, кто он, что думает и чего

хочет, часто приходит внезапно и поздно, и не к тем, кто может что-то сделать.

Своей гигантской супер-массой глубинный народ создает непреодолимую силу культурного притяжения, которая соединяет нацию и притягивает (придавливает) к земле (к родной земле) элиту, время от времени пытающуюся космополитически воспарить. Народность, что бы это ни значило, предшествует государственности, предопределяет ее форму, ограничивает фантазии теоретиков, принуждает практиков к определенным поступкам. Она мощный центр притяжения, к которому неизбежно приводят все без исключения политические траектории. Начать в России можно с чего угодно — с консерватизма, с социализма, с либерализма, но заканчивать придется приблизительно одним и тем же. То есть тем, что, собственно, и есть. Российское государство это порождение всей истории российского народа. Оно может менять свою форму, но не сущность.

Умение слышать и понимать народ, видеть его насквозь, на всю глубину и действовать сообразно — уникальное и главное достоинство государства Путина. Оно адекватно народу, попутно ему, а значит, не подвержено разрушительным перегрузкам от встречных течений истории. Следовательно оно эффективно и долговечно. Перенятые у Запада многоуровневые политические учреждения у нас, иногда считаются отчасти ритуальными, заведенными больше для того, чтобы было, «как у всех», чтобы отличия нашей политической культуры не так сильно бросались соседям в глаза, не раздражали и не пугали их. Они как выходная одежда, в которой идут к чужим, а у себя мы по-домашнему, каждый про себя знает, в чем. По существу же общество доверяет только первому лицу. В гордости ли никогда никем не покоренного народа тут дело, в желании ли спрямить пути правде либо в чем-то ином, трудно сказать, но это факт, и факт не новый. Ново то, что государство данный факт не игнорирует, учитывает и из него исходит в своих начинаниях. Было бы упрощением сводить тему к пресловутой «вере в доброго царя». Глубинный народ совсем не наивен и едва ли считает добродушие царским достоинством. Скорее он мог бы думать о правильном правителе то же, что Эйнштейн сказал о боге: «Изошрен, но не злонамерен».

Современная модель русского государства начинается с доверия и на доверии (вере) держится. В этом ее коренное отличие от модели западной, культивирующей недоверие (знание) и критику. И в этом ее сила. У нового российского государства в новом веке будет долгая и славная история, заключает В. Сурков. Оно не сломается. Будет поступать по-своему, получать и удерживать призовые места в высшей лиге геополитической борьбы. С этим рано или поздно придется смириться всем тем, кто требует, чтобы Россия «изменила поведение». Ведь это только кажется, что у них имеется выбор принять Россию такой какая она есть или не принять. В действительности такого выбора, по мнению В. Суркова, у них нет.

Итак, после распада СССР перед Россией открылись два принципиальных направления дальнейшего общественного развития: либеральное и имперско-государственническое. Отличие между ними можно в упрощенном виде представить, как соотношение трех видов интересов: личных, национальных и государственных. Либеральное направление предполагает горизонтальную рядоположенность, равноценность личных, национальных и государственных интересов. Оно предполагает наличие прав гражданина. Имперско-государственническое — вертикальное иерархическое подчинение личных интересов национальным, а национальных — государственным. Оно в свою очередь предполагает наличие долга подданного перед государством. Первые годы, в так называемые «лихие 90-е», по крайней мере на уровне официальных деклараций, в качестве приоритетного рассматривалось первое (либеральное) направление. Это в частности открывало широкие

перспективы для личного обогащения наиболее предприимчивым людям, многие из которых до этого входили во властную номенклатуру и использовали в личных целях свое должностное положение. Подобная идеология была также изначально наиболее близка представителям теневого криминального бизнеса, организованной преступности, мафии. Однако на рубеже нулевых, наметился перелом, который совершенно четко оформился после «Мюнхенской речи» Владимира Путина в 2007 г. В качестве приоритетного был выбран имперско-государственный путь, как более соответствующий российской исторической традиции. Определенную роль в этом сыграло и то, что ключевые позиции в российской власти, как было отмечено выше, совершенно не случайно, заняли представители силовых структур и прежде всего органов государственной безопасности. В настоящее время движение России по этой траектории развития становится все более и более очевидным. При этом данная траектория противопоставляется либеральной не просто в качестве общественной модели, но как патриотическая, соответствующая долгосрочным стратегическим интересам России, антипатриотической, прозападной, проамериканской, идущей вразрез с этими интересами, предательской и преступной одновременно. В ее основе, по мнению в частности А. Панарина, лежат чисто прагматические соображения [10]. Он подчеркивает, что новым правителям после-ельцинской России предстояло разрешить противоречие, возникшее на предыдущем этапе. Более половины национальной собственности бывшего СССР оказалось приватизировано офицерским корпусом КГБ СССР, а в дальнейшем ФСБ России. Но при этом на международной арене Россию представляли более или менее последовательные сторонники глобального открытого общества (прозападные, проамериканские либералы). По законам этого общества приватизированная собственность рано или поздно была обречена попасть в руки хозяев однополярного мира – западных и прежде всего американских (вместе с тем глобальных) держателей всякого рода «цивилизованных гарантий». Уже в начале «нулевых» годов, по мнению А. Панарина [10] делались первые шаги, предназначенные блокировать этот процесс. Логика здесь простая: если основная часть приватизированной собственности принадлежит сотрудникам спецслужб, то, следовательно, и верховная политическая власть должна быть представлена, списочно и поименно, ими же. В этом и состоит, по мнению А. Панарина, «феномен Путина» [10]. Причем опора на патриотизм и народ должна при этом все более нарастать, поскольку только в этом гарантия узаконивания приватизированной собственности. А. Панарин, с удивительной проницательностью еще в начале нулевых годов сделал следующий прогноз. Либералы-реформаторы, категорически не способные терпеть подлинную оппозицию и подлинный плюрализм (поскольку претендуют на монополию истины), обречены заполучить в качестве своего могильщика именно того, кого они поторопились объявить «преемником президента Ельцина». Более того, А. Панарин указывает, что «преемник Ельцина» станет могильщиком его политики в столь непредсказуемой форме, какой никак не приходилось ожидать даже от ненавистной Ельцину коммунистической оппозиции. Он возродит утраченный либеральными реформаторами патриотизм и в конце концов станет диктатором. Но поскольку в России невозможен диктатор латиноамериканского типа, ему, по мнению А. Панарина [10] обязательно будет необходима глобальная мироустроительная концепция — Великая идея. Причем эта идея должна быть обязательно антилиберальной и антизападной.

Вновь важно подчеркнуть, что постсоветский режим изначально был создан не демократической оппозицией, не западническими диссидентами, а самой правящей номенклатурой, стержнем которой были органы государственной безопасности СССР. Сотрудники спецслужб в результате приватизации получили более половины всей

государственной общенародной собственности. Новые мультимиллионеры и миллиардеры чудесным образом обогатились получив свою долю собственности в соответствии со своим прежним статусом в системе власти. Такой ход событий не было какой-то случайностью, а напротив, логически вытекало из всей истории развалившегося СССР. На это в частности указывает в одном из своих интервью академик, историк Ю. Н. Афанасьев. В ответ на вопрос, почему, с его точки зрения, до настоящего времени не произошло десталинизации Ю. Н. Афанасьев констатирует, что начиная с 20 съезда КПСС, формально разоблачившего «культ личности Сталина» т.е. с 1956 года в СССР а затем в постсоветской России фактически, наоборот, последовательно идет самая настоящая сталинизация. При этом можно увидеть кто из генеральных секретарей, а потом и президентов внес какой вклад в эту сталинизацию. Свой анализ А. Н. Афанасьев начинает с Н. С. Хрущева. Он позаботился о сохранении своего рода станового хребта сталинизма — бюрократии, то есть этой самой сталинской номенклатуры. Эта бюрократия, эта сталинская номенклатура уже к 1950 г. просто изнемогала от нависшего над ней Домоклова меча в виде массовых репрессий. Они все, несмотря на высокие должности и посты, жили под постоянной угрозой ареста и даже расстрела. Никто из них при Сталине не был застрахован от такой участи. Хрущев, по убеждению Ю. Н. Афанасьева освободил номенклатуру от этого страха смерти. Хрущев освободил номенклатуру от страха, но сам он постоянно проводил административные реорганизации, все время менял «перетряхивал» кадры. При Хрущеве номенклатурные начальники легко могли лишиться своих постов, а вместе с ними и всех своих привилегий, имущества, которым они пользовались только до тех пор, пока занимали руководящие должности. Поэтому номенклатура была очень недовольна Хрущевым и сместила его, заменив на гораздо более спокойного и безобидного для себя Брежнева. Брежнев уже гарантировал стабильность, несменяемость номенклатуры. Таким образом бюрократия, сталинская номенклатура обзавелась не только гарантией свободы, но и большой собственностью. Эти люди уже чувствовали своей собственностью заводы, колхозы и все чем они руководили. Но при этом официально, конечно в СССР частной собственности не было, она была по закону запрещена. Этот запрет и составлял по существу главное отличие социализма от капитализма и выдавался за его главное преимущество над капитализмом. То есть фактически у бюрократии была собственность, но юридически этой собственности не было. А самое главное, в конце концов состарившись номенклатурные начальники должны были уйти со своих постов и следовательно лишиться всего. И ничего из этой собственности они не могли передать своим детям по наследству. Тут приходит М. С. Горбачев. Горбачев уже юридически закрепил частную собственность, как это ни странно, все той же самой сталинской номенклатуры. Точнее он начал этот процесс, а продолжил и развил его уже Борис Ельцин. При этом и Горбачев и Ельцин сами в сущности были наиболее типичными представителями этой самой номенклатуры. Но и этого номенклатуре показалось мало. После проведения приватизации, когда она завладела собственностью, ей стали необходимы гарантии сохранения этой самой приватизированной частной собственности. И тут уже пришел Владимир Путин и дал номенклатуре эти гарантии. То есть получается, что один руководитель другого меняет и каждый продвигается все дальше по пути закрепления этого класса или слоя бюрократии, сталинской номенклатуры. В конце концов номенклатура уже не знает о чем ей еще мечтать. И свобода у нее есть, и собственность у нее есть, и гарантии неприкосновенности частной собственности у нее есть. Эти гарантии даже уже оформлены квазюридически. (В. Путин неоднократно заявлял, что результаты приватизации не будут пересматриваться). Таким образом, заключает Ю. Н. Афанасьев, на протяжении всех этих лет

после смерти Сталина сохранялась модель именно этого сталинского аппарата. В этом все и дело. Она сохранялась именно путем укрепления этой сталинизации. И хотя каждый из этих генеральных секретарей КПСС, а потом и президентов вслед за Хрущевым практически спасали тот же самый сталинский строй, они в ходе этого получали какие-то совершенно неожиданные и даже противоположные результаты. Но процесс сталинизации, ее ужесточения всегда имел место. Причем он имел место и при Хрущеве. Ведь что сделал Хрущев в своем докладе на 20 съезде КПСС о разоблачении культа личности Сталина? Весь его доклад построен таким образом, что в центре этого доклада был период второй половины 1930-х годов (1937-39 гг.) Он сосредоточился на том, как поступили с честными коммунистами, с делегатами 17 съезда КПСС, как Сталин с ними расправился. Никаких разговоров не было ни про крестьянство, ни про интеллигенцию, ни про департированные народы. При этом говорилось, что это было время великих достижений под руководством товарища Сталина. Хрущев ничего не сказал о троцкистах, бухаринцах, зиновьевцах, о промышленной партии, о Ленинградском деле. Как раз наоборот, он сказал, что были очень большие достижения за советское время и что Сталин успешно вел борьбу с врагами построения социализма в СССР. Все так называемые антипартийные блоки, уничтожение оппозиции было отнесено к теме борьбы Сталина с врагами социализма. А тот факт, что все эти блоки были сфабрикованы НКВД (органами государственной безопасности) абсолютно проигнорировали и не стали оглашать. Ничего не было сказано о сущности советской экономики, созданной при Сталине и подчиненной достижению военных целей. Все это не простая случайность, не какая-то забывчивость. Дело в том, что сам Хрущев и был сталинистом таким, что дальше уже некуда. Он можно сказать дышал этим сталинизмом как человек дышит воздухом и сам не замечает этого. Поэтому многих вещей, сталинских преступлений он просто не замечал. Он считал, что все это было так, как и должно было быть. Если говорить о реформах, то по мнению Ю. Н. Афанасьева, эффект от них получался не всегда таким, на который рассчитывал тот, кто их затевал. Получались какие-то побочные результаты. Это было не только в деятельности Хрущева, но и в деятельности Горбачева. Горбачев например совершенно искренне хотел спасти Коммунистическую Партию СССР, социализм. Он до сих пор говорит, что убежден — Советский Союз можно было сохранить. Горбачев хотел сделать гуманный социализм, социализм с человеческим лицом. А что получилось? Точно также и в свое время Хрущев. Он хотел сохранить этот сталинский строй, как общественное устройство, спасти сталинскую номенклатуру от нависшей над ней смертельной угрозы. Но при этом получались и совершенно неожиданные эффекты. Например, народ, люди увидели, что оказывается, что не только вождь не святой, а что святости-то нет и в самом этом строе, в самом этом режиме. То есть произошло нечто нежданное и негаданное. Произошло своеобразное расколдовывание России. В то время популярной была частушка: «Оказался наш отец (т. е. Сталин) не отцом, а сукою». А расколдовывание уже не знает ограничений. Люди стали думать. От постоянного страха избавились не только бюрократы-номенклатурщики, от него избавились очень многие люди. Страх начал пропадать, люди стали свободно говорить, появилась масса политических анекдотов, бардовские песни, пошли разговоры. Это как раз те самые разговоры на кухне в 60-е годы. Начали публиковать произведения Твардовского, Солженицина. В то время вроде бы должно было произойти то, о чем писала Анна Ахматова: «А что произойдет, когда встретятся две России — та, которая сажала, и та, которая сидела?» Но вот этой встречи так и не произошло. Не произошло именно потому, что разговор этот оказался бы очень тяжелым. Потому что ведь тогда уже советское общество не делилось вот так жестко и строго: вот на

этой стороне палачи, а на этой стороне жертвы. Все оказалось гораздо сложнее — когда палачи и жертвы были в одном лице. Человек, который выступал в роли палача, через какое-то время или в конце концов становился жертвой этого режима. Вот как раз тогда и нужно было включить мозги. Надо было бы поговорить, надо было добиться осознания. То есть через эти разнообразные формы сталинизм пробраться, продраться к смыслам — что же мы представляли из себя как общество. Но именно этого-то и не произошло по разным причинам. Во-первых, потому что Хрущев был таким человеком, что для него сталинизм был как воздух, он им дышал и не знал, что им дышит. Но кроме этого, он был нравственно очень сильно извращенный человек. Ведь он, например, с Берией ходил по кремлевскому двору и часами о чем-то с ним говорил. А потом он объявил этого же Берия бандитом и уничтожил его. А вместе с Берией он уничтожил документы, которые тот собирал на Хрущева и остальных. Хрущев был такой же интриган, такой же лжец. Поэтому, как он мог в таких условиях пробраться к смыслам? Он никак не мог этого сделать. Получается, что Хрущев не просто продолжил сталинизм, но по сути его еще усилил. Нужно понимать, что десталинизации не произошло ни в политическом, ни в экономическом, ни в социальном, ни в нравственном смыслах. То, что было связано с хрущевской «оттепелью» начала 60-х годов — бардовские песни, политические анекдоты, спектакли, публикации — это шло как бы вопреки, это было побочным и нежелательным для власти продуктом. Если определить сущность сталинизма, заключает Ю. Н. Афанасьев – это борьба власти со своим народом. Это красной линией проходит от Ленина через Сталина и до сегодняшних дней.

Мы полагаем, что современная российская власть стремится легитимировать богатство через православную этику и тем самым *снять противоречие* между обогащением, составляющим суть капитализма и приверженностью изначальным заповедям христианства. Таким образом западному порочному и аморальному протестантскому капитализму противопоставляется моральный и праведный русский православный капитализм. Если западный («порочный») капитализм зиждется на эгоизме, индивидуализме, гедонизме, правах отдельной личности, то русский («праведный») капитализм опирается на коллективизм, приоритет государственных интересов над индивидуальными, альтруизм, служение, самопожертвование и страдание. Эта этика самоотверженного служения, как не трудно видеть, хорошо описывает функционирование уже упомянутых выше *ключевых институтов современной России*: спецслужб, армии, полиции, бюрократии, русской православной церкви. Все они основаны на принципе жесткого иерархического подчинения нижестоящих приказам вышестоящих. Служение интересам страны и народа в своем концентрированном виде предстает как служение Российскому государству (Великой Державе). Служа власти, отстаивая ее интересы, человек служит народу, Родине (Отечеству) и Богу. (За Веру, Царя и Отечество). Такое служение и является моральным оправданием богатства. При этом лучше всего интересы власти естественно и знает сама власть. Соответственно всякое иное богатство является одновременно аморальным и преступным и подлежит изъятию, конфискации. Если советская коммунистическая идеология была направлена на этическое оправдание экономического равенства, морально осуждала богатство, то современная российская идеология, опираясь на ортодоксальное православное христианство, стремится этически обосновать все нарастающее экономическое неравенство, поляризацию богатства и бедности и при этом морально оправдать богатство правящего класса России. Крах мировой социалистической системы среди прочего показал несовместимость свободы с равенством и братством в знаменитой триаде, идущей со времен Великой французской революции. Соответственно сейчас, по примеру английского и

американского общественного идеала, приоритет отдается свободе. Причем, если для англо-американской идеологической версии обоснование свободы происходит через стремление отдельной личности к неограниченному индивидуальному успеху, то в России все оказывается гораздо сложнее. Свобода осмысливается как одновременное подчинение вышестоящему и принуждение нижестоящего в иерархической властной вертикали. Их «бездуховной» эгоистической свободе, противопоставляется наша «духовная» соборная свобода. Если во времена «холодной войны» интернациональной идеологии «порочного» капитализма, противостояла интернациональная идеология «праведного» коммунизма, то в современном противостоянии России с Западом (прежде всего с США, как его лидером и олицетворением) «порочному» западному, протестантскому капитализму противопоставляется «праведный», православный, «наш», государственный, патриотический, национальный капитализм.

Заключение: «Два мира, две системы, два типа человека»

Итак, прошло уже почти 30 лет со времени распада СССР, ознаменовавшего конец «холодной войны». Все очевиднее становится, что это мировое противостояние не было, как считалось, противостоянием «социалистической» и «капиталистической» систем. Такое понимание глобальных процессов, происходивших в 20 веке представляется все более поверхностным и в сущности ошибочным. Идея выдать трансформацию мирового порядка за период «временного помутнения рассудка» за «лихие девяностые», с нашей точки зрения не только не добавляет ясности, но, напротив, только запутывает ситуацию. Все отчетливее проступает необходимость понять более глубокие, фундаментальные культурно-исторические механизмы того глобального противостояния и противоборства, которое было принято называть «холодной войной» между мировой системой социализма и капитализма. Соответственно с противоположной стороны (прежде всего со стороны США) она подается как борьба «демократии» с «тоталитаризмом», завершившаяся триумфальной победой «демократии» и даже завершением мировой истории, пришедшей к своему логическому многовековому финалу (Ф. Фукуяма «Конец истории»). Причем необходимо взглянуть не только вглубь проблемы, но и вглубь исторического времени и понять, что мы имеем дело с процессом, далеко выходящим по своей длительности за пределы 20 века. Историческая цивилизационная развилка произошла более 500 лет назад на рубеже 15-16 веков. Это конец европейского средневековья и начало Нового времени. Однако предпосылки этой развилки скорее всего были заложены во времена «великой схизмы христианства» на «восточное» и «западное» в 1054 г., совпавшим с нормандским завоеванием Британии в 1066 г. Собственно речь идет о двух фундаментальных цивилизационных традициях в рамках христианства. Одна «западная» основывается на идеях и ценностях, сформированных Возрождением и Просвещением. Другая – «восточная», опирается на иные основания, подчеркивая свою ортодоксальную верность изначальным принципам христианства. Здесь, как нам кажется, можно провести внутри христианской культурно-исторической традиции границу между «новым» и «старым» миром. Они предполагают разные системы фундаментальных ценностей.

<i>«Новый мир»</i>	<i>«Старый мир»</i>
Знание	Вера
Индивидуализм	Коллективизм
Богатство и личный интерес	Аскеза, власть и насильственное принуждение

Соответственно, каждая из этих систем предполагает свой нравственный идеал личности.

«Новый мир»	«Старый мир»
Ум	Вера
Профессионализм	Верность
Порядочность	Жертвенность и терпение

Таким образом видно, что «Новый мир» опирается на знание, индивидуальный интерес человека и его личную порядочность. В свою очередь «Старый мир» находит свою опору в вере и готовности к коллективному самопожертвованию в «священной войне», тотальному переустройству мира и человечества (очередному Армагеддону предшествующему очередному Апокалипсису). «Новый мир», пережив Возрождение и Просвещение исповедует торгашеское жизнелюбие и свободомыслие, в то время как «Старый мир» характеризуется воинским смертолюбием и стремлением к единомыслию. Первый, наиболее общим для всех людей считает то, что все они когда-то родились или родятся второй, что все они когда-то умрут или уже умерли. В принципе и то и другое совершенно бесспорно. Только в первом случае акцент делается на том, что жизнь – это источник возможностей и наслаждений, а во втором, что она — источник угроз и страданий. Соответственно смерть либо лишает возможностей и наслаждений, либо избавляет от угроз и страданий. В первом случае отношение к ней сходно с отношением молодого человека, гедониста а во втором – с отношением старика, мученика, страдальца.

В Евангелии от Иоана сказано: «Истина делает вас свободными» (8-32). Как известно, на гербах многих американских университетов фигурирует слово «Истина». На гербе старейшего и крупнейшего Гарвардского университета так собственно и написано «Истина». Соответственно высоко ценной представляется и вытекающая из истины возможность стать свободным (Статуя Свободы, освещающей мир). Но такая структура ценностей свойственна «Новому миру». «Старый мир» исповедует другие, свои ценности – Справедливость и Безопасность. Если вам нужна Справедливость и Безопасность, то зачем вам Свобода и ведущая к ней Истина?

Вновь попытаемся представить в виде таблицы «Новый мир» и «Старый мир», введя геополитические уточнения.

К геополитическим конструктам «Остров» и «Континент» мы добавляем параметр времени, поскольку эти географические реалии с нашей точки зрения не являются нейтральными по отношению к времени как культурно-историческому вектору, если понимать историческое время не как циклическое, а как линейное. В свою очередь они оба имеют смысл лишь в том случае, если в качестве культурно-исторического субъекта признается не отдельный индивидуум, суверенная личность, а народ, занимающий некоторую достаточно определенную позицию на оси общественно-исторического прогресса.

«Новый мир». Остров. Атлантизм.	«Старый мир». Континент. Евразийство.
<p><i>Основная цель:</i> быть свободным и освобождать. Соревноваться и превосходить.</p> <p><i>Основная ценность:</i> личный, эгоистический интерес.</p> <p>Стремление к мечте. Деятельная ориентация на будущее, культ будущего.</p> <p>Мир – это пустота, которую нужно освоить, упорядочить и обустроить.</p> <p>Мир это прежде всего исчисляемое, измеряемое, известное и понимаемое.</p> <p>Материализм.</p> <p>Мир создан и продолжает создаваться людьми и для людей.</p> <p>Ценность человека, индивидуальной человеческой жизни велика, «дорогой человек».</p> <p>Лидер – это, прежде всего, первый, максимально преуспевший в конкуренции.</p>	<p><i>Основная цель:</i> Принуждать и быть принуждаемым для общего блага, смиряться.</p> <p>Спасать и быть спасаемым</p> <p><i>Основная ценность:</i> коллективное самопожертвование.</p> <p>Стремление к покою, умиротворению. Ориентация на прошлое, культ прошлого.</p> <p>Мир – это непостижимый порядок, космос, в который нужно встраиваться.</p> <p>Мир это прежде всего неисчисляемое, не измеряемое, неизвестное и не понимаемое.</p> <p>Идеализм.</p> <p>Мир создан не людьми и не для людей.</p> <p>Ценность человека, индивидуальной человеческой жизни низка, «дешевый человек».</p> <p>Лидер – это, прежде всего, главный, сконцентрировавший в своих руках наибольшую власть.</p>

Попытаемся, насколько возможно, конкретизировать то историческое содержание, которое в данном случае вкладывается нами в понятия «Новый мир», Остров, Атлантизм с одной стороны и «Старый мир», Континент, Евразийство. Мы полагаем, что начало Нового Времени ознаменовалось в рамках христианской цивилизации появлением на исторической арене двух глобальных геополитических субъектов, вступивших в соревнование между собой за мировую гегемонию. Это конкурентное противостояние собственно и является тем, что стало впоследствии именоваться «Большой Игрой». Начало этой «Игры» правомерно отсчитывать от возникновения Тюдоровской Англии с одной стороны и Московского царства с другой. Исходя из этого на исторической оси, в качестве наиболее существенных реперных точек мы выделяем следующие:

1453 г. — падение Константинополя, означавшее конец тысячелетней Восточной Римской Империи – Византии и одновременно окончание Столетней войны.

1492 г. — открытие Колумбом Америки (Нового Света), окончание реконквисты в Испании и изгнание из нее евреев-моранов, 7000-ый год от Сотворения мира в христианской религиозной традиции, мистически осмыслявшийся как конец Старого и Начало Нового Мира.

Таким образом мы обнаруживаем короткий с исторической точки зрения отрезок времени между 1453 и 1492 годами, продолжительностью в 39 лет. За этот период в становлении Английской и Русской монархии (Московского царства) произошли важнейшие события, имевшие далеко идущие исторические и культурные последствия. В Англии – это Война Алой (Ланкастеры) и Белой (Йорки) розы. Устоявшиеся в исторической литературе хронологические рамки этого конфликта (1455-1485). Самым очевидным итогом Войны Роз стал крах династии Плантагенетов, которую сменила династия Тюдоров, радикально изменившая Англию. Воцарение Тюдоров в 1485 г. считается началом Нового Времени в английской истории. Родоначальником этой династии, определившей вероятно весь дальнейший ход английской истории был Генрих VII (1457-1509). Одним из важнейших итогов Столетней Войны была утрата Англией практически всех своих владений на континенте. Таким образом воссоздание Анжуйской державы Генриха Второго Плантагенета,

включавшей в себя значительную часть континентальной Европы (Франция) стало абсолютно невозможным. В результате энергия политической экспансии Англии была перенаправлена с суши (континента) на море, что в конце концов и сделало Британию Владычицей морей. Именно при Тюдорах начинается последовательное развитие британского флота, предопределившее западный геополитический вектор британского развития. В 1497 г. через 5 лет после путешествия Колумба Генрих Седьмой Тюдор направил в Атлантический океан экспедицию Джона Кабота, достигшего острова Ньюфаундленд. При этом Кабот, как и Колумб был убежден, что открыл западный морской путь в Азию.

В России это соответственно воцарение великого князя Московского Ивана Третьего (1440-1505), положившего конец владычеству Золотой Орды и казнившего ордынских послов (около 1476 г.). Результатом правления Ивана Третьего стало объединение значительной части русских земель вокруг Москвы и ее превращение в центр единого Русского государства, за что он получил прозвище «собиратель земли русской». При нем был принят нынешний герб России – двуглавый орел. Было достигнуто окончательное освобождение страны от ордынской зависимости, принят Судебник — свод законов государства, построен нынешний Московский кремль и главный кафедральный собор Русского государства – успенский собор. Интересно, что при жизни Ивана Третьего нередко называли Грозным. Однако позже этот титул прочно утвердился за его внуком Иваном Четвертым, превзошедшим своего деда в жестокости. В память об Иване Третьем была перестроена в 1505-1508 годах колокольня в Кремле, получившая его имя. Во времена Бориса Годунова она была достроена и надолго стала «Иваном Великим» — самым высоким зданием в Москве.

Наследником Генриха Седьмого был Генрих Восьмой (1491-1547). Генрих Восьмой больше всего известен своим прямым участием в Английской Реформации, что сделало Англию в большинстве своем протестантской нацией. В историю Генрих Восьмой вошел благодаря необычным для христианина числом браков – всего у короля было шесть жен, из которых с двумя он развелся, а двух казнил по обвинению в измене. Король стремился произвести на свет наследника мужского пола для консолидации власти династии Тюдоров. Развод Генриха Восьмого с его первой супругой Екатериной Арагонской (1485-1536) повлек за собой отлучение короля от католической церкви и ряд церковных реформ в Англии, когда англиканская церковь отделилась от римской и в 1534 г. английский парламент принял «Акт о супрематии», по которому Генрих был провозглашен Главою Церкви Англии. Стремясь получить наследника мужского пола Генрих Восьмой женится на более молодой чем он сам Анне Болейн (1501–1536), которая впрочем так и не рождает мальчика, зато становится матерью легендарной английской королевы Елизаветы Первой.

Наследником Ивана Третьего стал Василий Третий (1479-1533). В период его правления продолжился процесс собирания русских земель. В полном титуле Ивана Третьего уже фигурирует «царь и государь всяя Руси», хотя на данном этапе это был почетным определением и закрепился как официальный титул лишь начиная с венчания на царство Ивана Грозного. Брак с Соломонией Сабуровой (1490-1542) оказался бесплодным (в отличие от Екатерины Арагонской, которая не могла родить наследника мужского пола). Поскольку после 12 лет брака Соломония так и не родила, Василий был очень обеспокоен этим и решил развестись с ней. Решение о разводе было поддержано боярской думой, но не нашло поддержки среди церковных иерархов. Выступавшие против расторжения брака церковные иерархи были сосланы, причем митрополит Варлам был впервые в русской истории лишен сана. В 1525 г. с одобрения уже нового митрополита Василий Третий развелся с Соломонией. Подобный развод с насильственной ссылкой жены в монастырь не имел в то время

прецедента в истории Руси. Соломонию постриги в монахини в Московском Богородице-Рождественском монастыре. Желая получить наследника Иван Третий женится на более молодой чем он сам Елене Глинской (1508-1538), которая собственно и становится матерью Ивана Четвертого (Грозного).

Королева Елизавета Первая (1533-1603) — Добрая королева Бесс, Королева-дева. Время правления Елизаветы называют «золотым веком Англии» в связи с расцветом культуры (так называемые «елизаветницы» Шекспир, Марлоу, Бэкон и др.) и с возросшим значением Англии на мировой арене — разгром Непобедимой армады, Дрейк, Рейли, Ост-Индская компания). В 1559 г. открылся первый Парламент Елизаветы. При этом страна была расколота на два непримиримых лагеря – католиков и протестантов. Елизавета не изгнала и не подвергла репрессиям никого их приверженцев своей покойной старшей сводной сестры Марии (Кротовой). Своим «Актом о единообразии» королева показала, что будет следовать курсу Реформации, начатому ее отцом Генрихом Восьмым. Но католикам в Англии не было запрещено служить мессу. Этот акт веротерпимости и позволил королеве избежать гражданской войны. В том же году Парламент обратился к королеве с призывом обеспечить английский трон наследником: ей было предписано выбрать себе супруга. В число претендентов входил и царь Всея Руси Иоанн Васильевич Грозный. Но Елизавета не намеревалась делить власть с мужчиной и так и не вышла замуж. При этом даже в конце жизни Елизавета неуклонно твердила о своей девственности и утверждала, что она «замужем за Англией». При Елизавете были построены (или закуплены за границей) крупные фабрики по производству артиллерии, пороха, стекла, бумаги и других важных товаров. Быстро росли добыча угля и другие горнодобывающие промыслы. Экспорт сукна возрос втрое и стал основным пунктом английской внешней торговли. Был стабилизирован курс фунта стерлингов, создана Королевская биржа, аналогичная голландской. Всего за 100 лет Англия из отсталой страны стала ведущей торгово-промышленной державой Европы. Число судов водоизмещением более 100 тонн с конца 16 по начало 17 века выросло в 10 раз. Король Генрих Седьмой создал королевский флот, Генрих Восьмой поощрял морскую торговлю. Но только в правление Елизаветы Англия превратилась в могущественную морскую державу. В конце 1560-х годов «взошла звезда» Фрэнсиса Дрейка. Елизавета была единственной женщиной, с которой вел переписку Иван Грозный. Русский царь неоднократно рассматривал возможности заключения матримониальных отношений за рубежом (например, с Екатериной Ягеллонкой). Доля эпистолярных обращений Ивана Грозного к Елизавете Тюдор (11 посланий) составляет 1/20 от всего сохранившегося и опубликованного эпистолярного наследия Ивана Грозного. Это одна из самых объемных и протяженных переписок царя. Первое письмо датируется 1562 годом.

Период правления Елизаветы Первой совпадает с началом создания Британской Империи. Он ознаменовался переходом Англии к политике покорения Ирландии, восточное побережье которой было захвачено ею еще в конце 12 века. Позже, к середине 17 века Ирландия была превращена в колонию. В 1583 году Англия провозгласила суверенитет над островом Ньюфаундленд, который стал ее первым заморским владением и опорной базой для завоеваний в Новом Свете. Разгром англичанами в 1588 г. «Непобедимой армады» ослабил позиции Испании как ведущей морской державы и позволил им включиться в борьбу за колонии. Британская империя сложилась в результате многовековой колониальной экспансии: колонизации территорий Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии, островов в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. Становление Британской империи происходило в острой борьбе Великобритании за морское господство и колонии с Испанией

(16-18 века), Нидерландами (17-18 века), Францией (18-начало 19 века), а также с Германией (конец 19 - начало 20 века). Соперничество за влияние в ряде районов Азиатского континента стало причиной серьезных противоречий между Великобританией и Российской империей. В процессе формирования и развития Британской империи сложилась британская имперская идеология, наложившая мощный отпечаток на все стороны жизни, внутреннюю и внешнюю политику Великобритании. Британская империя (1497-1997г.г.) представляет собой Великобританию и ее заморские владения. Это крупнейшая империя в истории человечества, площадь которой превышала 31 млн. кв. км, (по другим данным до 42 млн. кв. км.) а население составляло от ¼ до 1/3 населения планеты. Название «Британская империя» вошло в употребление в середине 1870-х годов. С 1931 года официально именовалась Британское Содружество наций, а после Второй мировой войны – Содружество наций и Содружество.

Царь Иван Грозный (Четвертый) (1530-1584). Государь, великий князь московский и всея Руси. В 1546 г. митрополит Макарий предложил Ивану Грозному венчаться на царство. Древнее «греческое царство» (Византия) с его боговенчанными правителями всегда было образцом для православных стран, однако оно пало по ударами неверных. Москва в глазах православных русских должна была стать наследницей Царьграда — Константинополя. Торжество самодержавия и для Митрополита Макария олицетворяло торжество Православной веры, так сплелись интересы царской и духовных властей (Филофей о Москве как Третьем Риме). В начале 16 века все большее распространение получает признание и идея божественного происхождения власти государя. В 1547 г. в Успенском соборе Московского Кремля (построенном при Иване Третьем) состоялась торжественная церемония венчания. Митрополит возложил на Ивана знаки царского достоинства, в том числе шапку Мономаха, а затем помазал миром и благословил царя. Новый титул Ивана позволял занять существенно иную позицию в дипломатических отношениях с Западной Европой. Великокняжеский титул переводился как «великий герцог», титул же «царь» в иерархии стоял наравне с титулом император. Безоговорочно титул Ивана уже с 1555 года признавался Англией, чуть позже Испанией, Данией и Флорентийской республикой. В 1565 г. Грозный объявил о введении в стране Опричнины. Страна делилась на две части: «государеву светлость Опричнину» и земщину. В опричнину попали в основном, северо-восточные русские земли, где было мало бояр-вотчинников. При Иване Грозном интенсивно продолжился процесс формирования территории Русского государства, проходивший при Иване Третьем и Василии Третьем. В итоге укрепилась унитарная концепция государственного управления и единонаследие, позже эволюционировавшее в принцип самодержавия. Они стали политической основой продолжавшего расширяться Русского государства. К началу 16 века оно вышло за пределы собственной этнической территории. При этом неверно считать дальнейший процесс экспансии России колонизацией, поскольку за присоединением народов, как правило, следовало слияние элит. Совокупная площадь страны в середине 16 века достигла 2,8 млн кв. км, а к концу царствования Ивана Грозного – 5,4 млн кв. км. В частности были завоеваны и присоединены Казанское ханство, Астраханское ханство, Большая Ногайская Орда, Сибирское ханство. Интенсивное расширение Московского царства, как хорошо известно, продолжалось и после Ивана Грозного. В 1721 г. царь Петр Первый был провозглашен императором всероссийским. С этого времени Русское государство, занимавшее к этому времени 15,02 млн кв. км, стало именоваться Российской империей и продолжило свою экспансию.

Возложенная на Ивана Грозного митрополитом шапка Мономаха является важнейшим символом самодержавной власти сначала Московского царства, а затем Российской империи.

В этом смысле любопытно отметить некоторые ее исторические и культурные особенности. Легенда о происхождении шапки Мономаха как подарка от византийского императора Константина Мономаха была документально оформлена в правление Василия Третьего, который стал наследником Ивана Третьего. После перехода власти к Василию Третьему списки летописей редактировались так, чтобы подчеркнуть династическую преемственность его власти и тесные связи с Византией, а через нее — с древним Римом. В «рассказе о потомках Августа и о дарах Мономаха» первый русский князь Рюрик восходил к роду римского императора Августа, а передача регалий Мономаха связывала историю Московского государства с древним величием Римской империи. Общеизвестно, что основателем Москвы является Великий князь Киевский Юрий Долгорукий, чьим отцом был Владимир Мономах, матерью которого была Мономахиня, а первой женой Гита Уэссекская — дочь погибшего в битве при Гастингсе последнего англо-саксонского короля Гарольда. Следовательно Юрий Долгорукий является либо пасынком, либо сыном Гиты Уэссекской и таким образом наряду с родством с Византийским Константином Мономахом очень вероятно находится в родстве с англо-саксонскими королями. Таким образом основатель Москвы, ставшей через несколько веков центром Московского царства соединяет в себе византийскую и англо-саксонскую династические линии. Кроме того известно, что как британская так и российская государственность тесно связывается большинством историков с норманами: Вильгельмом Завоевателем и Рюриком.

Как уже отмечалось Иван Грозный, вероятно, предлагал Елизавете Первой вступить с ним в брак, но она ответила отказом на брачное предложение. На самом деле исторических письменных подтверждений этому нет, наоборот Елизавета Первая рассчитывала на брак с Иваном Грозным для распространения британского влияния до Урала. Однако для Ивана Грозного Елизавета была худородной.

Наиболее наглядно основные векторы территориальной экспансии обеих держав иллюстрируют биографии двух выдающихся исторических персонажей: Френсиса Дрейка и Ермака.

Фрэнсис Дрейк (1540-1596) — английский мореплаватель, корсар, вице-адмирал. Первый англичанин, совершивший кругосветное плавание (1577-1580). Активный участник разгрома испанского флота (непобедимой армады) в Гравелинском сражении (1588). В 1577 г. Дрейк был отправлен королевой Елизаветой Первой в экспедицию к тихоокеанскому побережью. Хотя официальной целью путешествия было открытие новых земель, в частности, Австралии, в действительности Дрейк должен был награть как можно больше испанского золота. Пройдя Магелланов пролив, Дрейк был отброшен штормом к югу от Огненной Земли, при этом выяснилось, что она не является частью Южного континента (Антарктиды). Пролив между Антарктидой и Огненной Землей, являющийся самым глубоким и широким в мире, позже получил имя Дрейка. В 1580 г. Дрейк вернулся в Англию, привезя клубни картофеля и сокровища на 600 тысяч фунтов стерлингов, сумму, в два раза превышающую размер ежегодного дохода английского королевства. Дрейк был встречен как национальный герой, обласкан королевой Елизаветой Первой и удостоен рыцарского звания. Фрэнсис Дрейк изменил ход морского боя. Если раньше побеждал корабль с наибольшим количеством орудий, то после Дрейка приоритет был отдан скорости судна. На своем галеоне «Золотая лань» Дрейк не раз доказывал это.

В честь Елизаветы Первой — Королевы девственницы, в 1587 г. территория в Северной Америке получила название Виргиния (от лат. «дева»). Есть версия, что это название, для демонстрации его верноподданических чувств, было присвоено Фрэнсисом Дрейком. В

дальнейшем Вирджиния сыграла важную роль в процессе переселения так называемых отцов-пилигримов в Новый Свет. Основную часть будущих поселенцев составляли английские пуритане, религиозные диссиденты. Недовольные тем, что господствующая Англиканская церковь склоняется к идеям католицизма, они желали создать независимую церковь. Одна из подпольных общин собиралась в деревушке графства Йорк. Из-за преследования со стороны властей, диссиденты перебрались из Англии в Голландию, где к их взглядам относились терпимо. Однако через некоторое время было решено отправиться в Америку, в недавно основанную (1607) колонию Вирджиния. Прежние колонисты могли оказать поддержку в защите от враждебных местных племен. С другой стороны, территория колонии была достаточно велика, чтобы вновь прибывшие могли поселиться на некотором расстоянии от прежних поселений и чувствовать себя относительно независимо. В 1620 г. пуритане получили от «Вирджиния Компани» право на землю в Северной Америке. В сентябре 1620 г. корабль «Майский цветок» вышел в море. Сразу по прибытии в Америку среди пуритан возник конфликт. Из-за ошибки в курсе колонисты оказались гораздо севернее участка земли в Вирджинии, которые они должны были обработать. В связи с этим, часть их считала контракт с Вирджинской Компанией утратившим силу. В результате переговоров было подписано «Мэйфлауэрское соглашение». В нем было закреплено намерение основать колонию и обязательство подчиняться законам, «которые будут считаться соответствующими общему благу колонии». Первоначально у пилигримов не было собственного названия. Иногда они называли себя святыми, богоизбранным народом. Название — библейского происхождения, восходит к посланию ап. Павла к евреям (Евр. 11:13-14). В 1825 г. была опубликована поэма англичанки Фелиции Хеманс «Прибытие отцов-пилигримов в Новую Англию». Новая Англия — регион на северо-востоке США, включающий в себя следующие штаты: Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Род-Айленд, Вермонт. Здесь располагались одни из самых ранних поселений в Северной Америке. Отцы-пилигримы из Англии впервые поселились в Новой Англии в 1620 г., создав колонию Плимут.

Ермак Тимофеевич (1532-1585) — казачий атаман, исторический завоеватель Сибири для русского государства. Поход казачьего отряда Ермака на территорию Сибирского ханства в 1574-1585 годах положил начало русскому освоению Сибири. Новый сибирский хан Кучум, пришедший к власти в 1563 г., стал наращивать свое влияние внутри региона. Сначала он демонстрировал лояльность и соглашался платить дань Москве, но как только собрал достаточно сил, убил московского посла. Дипломатически это означало объявление войны. Однако Иван Грозный не мог в то время быстро отреагировать, так как вел тяжелую Ливонскую войну. Закономерно, что в отсутствие должной реакции царя, начались набеги татар на приграничные территории русских в районе Перми. Эти земли входили в сферу интересов богатейших купцов Строгановых, заселивших эти территории с разрешения царя Ивана Грозного. Строгановы обратились за помощью к казакам. Отряд численностью в 840 человек был сформирован во владениях Строгановых, они же приняли активное участие в оснащении отряда всем необходимым. В конце 1582 г. Ермак направил в Москву посольство известить царя о разгроме хана Кучума. Царь Иван Грозный оказал казацкой делегации милостивый прием, щедро одарил посланцев — среди подарков была кольчуга великолепной работы. В 1583 г. царь дал указ князю Семену Болховскому последовать в Сибирь с дружиной в 500 стрельцов. В 1584-1585 годах зима в этих краях выдалась очень суровой. Стрельцы не пережили ее и все погибли. Умер и князь Семен Болховский, назначенный Иваном Грозным первым воеводой Сибири. После голодной зимы численность отряда Ермака катастрофически сократилась. Весной 1585 г. восстал изъывлявшийся прежде

покорность Ермаку мурза Карача. Восставшие татары блокировали войско Ермака. Атака татар была отбита, но в войске Ермака осталось меньше половины. В ночь на 6 августа 1585 г. Ермак погиб вместе с небольшим отрядом в устье Вагая. Согласно одной из легенд он утонул в Иртыше, поскольку был облачен в тяжелые доспехи, подаренные ему Иваном Грозным.

Освоение русскими Сибири, начатое Ермаком дошло в конце концов до берегов Тихого Океана и стало предпосылкой освоения Северно-Американского континента. Первыми русскими, которые со стороны Сибири открыли Аляску (Америку) были моряки экспедиции Семена Дежнева в 1648 г. Русская Америка – совокупность владений Российской империи в Северной Америке, включая Аляску, Алеутские острова, архипелаг Александра и поселения на тихоокеанском побережье современных США (крепость Росс), а также Елизаветинскую крепость (Гавайи). Российские владения в Америке просуществовали с 1772 по 1867 годы. Столицей этих владений был город Ново-Архангельск. Общая площадь этих владений составляла более 1,5 млн. кв. км. В 1841 г. крепость Росс была продана гражданину Мексики Джону Саттеру, а в 1867 г., как хорошо известно, Аляска была продана США за 7 200 000 долларов. Произошло это в царствование Александра Второго, отменившего в России крепостное право.

До продажи Аляски территория Российской империи составляла максимальную величину за весь период ее более чем тысячелетней истории. К тому времени в состав Российской империи входили также Финляндия, Польша и Прибалтика. Суммарная площадь территорий Российской Империи на 1866 г. составляла 23 700 000 кв. км. При этом она была второй по величине после современной ей Британской империи, которая при этом была не сухопутной, а морской державой. Англия как островное государство фактически не имеет сухопутной границы, в то время как Россия обладает самой протяженной на планете сухопутной границей. В исторической ретроспективе Российская империя в качестве сухопутной державы уступала по своей площади только империи Чингиз-Хана, площадь которой на пике составляла 38 млн кв. км. Суммарная территория Российской Империи на 1914 г. (начало Первой Мировой Войны) без Аляски и половины Сахалина, Китайских Владений составляла 21 799 825 кв. км. Современная суммарная площадь Российской Федерации составляет 17 098 246 кв. км. Суммарные потери составили 6 601 754 кв. км. или более 30%.

Таким образом Британская и Российская империи, одна преимущественно морским, а другая преимущественно сухопутным путем двигались в противоположных направлениях – одна на Запад, а другая на Восток — пока не встретились на Северо-Американском континенте. При этом Англия, а впоследствии Англо-американский Североатлантический альянс обычно противопоставляет себя остальным. Первоначально это противопоставление Англии как острова остальному континенту (Европе). Затем это уже более фундаментальное противопоставление США в качестве Нового Света Старому Свету (Нового Мира Старому Миру). Россия же, напротив, позиционирует себя как продолжательница и правопреемница старины — Старого Света, Старого Мира, Византии, Золотой Орды. Тяготение России к «старине» (в нашей трактовке к Старому Миру), весьма наглядно может быть продемонстрировано в эволюции летоисчисления. После установления христианства в 988 году летоисчисление стали вести по византийскому календарю от «сотворения мира», точнее от «сотворения Адама» — с пятницы 1 марта, приняв византийский вариант этой даты — 5508 год до н.э. Но на Руси, по древней традиции, началом года считали весну, поэтому год начинался с 1 марта. Во времена Ивана Третьего в 1492 г. (уже упомянутая нами важная

реперная точка в 7000 году от «сотворения мира») начало года было перенесено на 1 сентября (как в Византии, уже павшей к тому времени и наследницей которой провозгласила себя Московия). Интересно, что главная башня Московского Кремля – Спасская (она же Иерусалимские ворота) была построена в 1491 г. Это действовавшее в России летоисчисление от «сотворения мира», как хорошо известно заменил на летоисчисление от Рождества Христова Петр Первый с 1 января 1700 г. По указу императора, пытавшегося реформировать и осовременить Россию, после 31 декабря 1708 г. от «сотворения мира» следовало 1 января 1700 г. от Рождества Христова.

В этом контексте, как нам представляется, нельзя хотя бы кратко не остановиться на одной важной проблеме. Это собственно проблема мироустройства, можно сказать космогонии, присущей описанным выше двум системам организации человеческой жизни в рамках христианской парадигмы. Старый Мир – доколумбовский и докоперниковский представляет Землю в виде плоскости, неподвижно лежащей в центре мира. В таком мире в буквальном смысле существует «край земли» за который не следует заходить. При этом море окружено со всех сторон сушей. Вспомним, что колыбелью европейской христианской культуры было средиземноморье. Средиземное море собственно так и называется потому, что оно со всех сторон окружено землей (сушей). Гибралтар (Геркулесовы столбы) воспринимался в античности как тот предел, за который ни в коем случае не следует переступать. Атлантический океан воспринимался как загадочная и опасная бездна, а о существовании Тихого океана античный человек вообще не знал. Конечно можно возразить, что такие величайшие умы древности как Аристотель уже догадывались о сферической форме земли. Однако массовое сознание конечно же описывается в перечисленных выше категориях.

Новый Мир — космогония, соответствующая открытиям Колумба и Коперника описывает Землю в качестве сферического тела, вращающегося вокруг своей оси и не являющейся центром мира. В этом случае, напротив, суша окружена со всех сторон морем и в сущности представляет собой остров в море. Именно такая картина наиболее соответствует современным представлениям и представляется совершенно очевидной. Для этого просто достаточно взглянуть на обычный школьный глобус. В данной картине мира, движение Солнца по небу это своего рода иллюзия, возникающая вследствие вращательного движения Земли в противоположном направлении. Следовательно — движение на Запад — это движение за Солнцем, а движение на Восток — движение за Землей. Британская империя двигалась за Солнцем, а Российская — за Землей. Поскольку земля сферична, они с неизбежностью встретились. Местом их встречи оказалась Америка.

Мы предлагаем рассматривать период так называемой «холодной войны» как исторически непродолжительный эпизод более фундаментального и длительного противостояния внутри глобальной христианской цивилизации. При этом мы склонны воспринимать это противостояние, противоречие как «вечное», как то, что (как учит диалектическое понимание истории) является источником общественно-исторического развития. Подобно тому, как в электрической батарее существование полюсов «+» и «-» является совершенно необходимым условием ее работы. Окончательная «победа» одного из полюсов над другим означает просто ликвидацию этой батареи как таковой, утрата ею способности вырабатывать ток. «Только когда все умрут — закончится Большая игра». С нашей точки зрения имеет место единство и борьба двух культурно-исторических моделей служения богу в рамках христианской цивилизации: британской, либеральной и российской самодержавной. Если говорить о британской модели, то уместно вспомнить высказывание

Монтескье, сказавшего, что «англичане превзошли всех в набожности, торговле и свободе». Российская модель классически описывается государственной идеологией Российской империи в период царствования Николая Первого, сформулированной Сергеем Уваровым: «православие, самодержавие, народность». Таким образом, с точки зрения британской, либеральной модели, служить богу — значит свободно торговать (делать бизнес под лозунгом, перекочевавшим на американские доллары “In God we trust”). С точки зрения российской православно-самодержавной, народной модели, служить богу — значит служить самодержавной власти.

Список литературы:

1. Айн Рэнд Капитализм или коммунизм. Выступление перед президентами клуба американской ассоциации менеджмента. Нью-Йорк. <https://proza.ru/2013/10/27/1226>
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. 2005.
3. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М. 2001.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Изд-во Директ-Медия. 2011. 178 с.
5. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
6. Исаев И. А. Национальная идея и национальная идеология // Национальные интересы. 2006. №5(46). С. 25-28.
7. Климов А. Православный социализм и западный капитализм // Национальные интересы. 2009. №2. С. 11-15.
8. Немцов А. А. Исследование отношения студентов гуманитариев к индивидуалистическим и материалистическим ценностям в контексте либерального мировоззрения // Актуальные вопросы науки и практики в XXI в.: материалы 6-ой Международной научно-практической конференции (01-04 июня 2017 г.). Нижневартовск, 2017. С. 48-78.
9. От имперского прошлого к имперскому будущему? Полемика М. Урнова с А. Прохановым // Аргументы и факты. 2008. №44. С. 10-11.
10. Панарин А. С. Испытание глобализмом М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
11. Станкевич З. А. Крушение СССР: прошлое как фактор современности // Национальные интересы. 2006. №5(46). С. 18-20.
12. Сурков В. Ю. Долгое государство Путина // Независимая газета. 11.02.2019.
13. Платонов О. А. Энциклопедия русской цивилизации. Русское мировоззрение // Большая энциклопедия русского народа. М. 2003.

References:

1. Ain Rend Kapitalizm ili kommunizm. Vystuplenie pered prezidentami kluba amerikanskoi assotsiatsii menedzhmenta. N'yu-Iork. <https://proza.ru/2013/10/27/1226>
2. Bauman, Z. (2005). Individualizirovannoe obshchestvo. Moscow. (in Russian).
3. Bek, U. (2001). Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu. Moscow. (in Russian).
4. Veber, M. (2011). Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. Moscow. (in Russian).
5. Voslenskii, M. S. (1991). Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuz. Moscow. (in Russian).

6. Isaev, I. A. (2006). Natsional'naya ideya i natsional'naya ideologiya. *Natsional'nye interesy*, 5(46). 25-28. (in Russian).
7. Klimov, A. (2009). Pravoslavnyi sotsializm i zapadnyi kapitalizm. *Natsional'nye interesy*, (2). 11-15. (in Russian).
8. Nemtsov, A. A. (2017). Issledovanie otnosheniya studentov gumanitariyev k individualisticheskim i materialisticheskim tsennostyam v kontekste liberal'nogo mirovozzreniya. In *Aktual'nye voprosy nauki i praktiki v KhKh1 v.: materialy 6-oi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (01-04 iyunya 2017 g.)*. Nizhnevartovsk, 48-78. (in Russian).
9. Ot imperskogo proshlogo k imperskomu budushchemu? Polemika M. Urnova s A. Prokhanovym (2008). *Argumenty i fakty*, (44). 10-11. (in Russian).
10. Panarin, A. S. (2002). Iskushenie globalizmom Moscow. (in Russian).
11. Stankevich, Z. A. (2006). Krushenie SSSR: proshloe kak faktor sovremennosti. *Natsional'nye interesy*, 5(46). 18-20. (in Russian).
12. Surkov, V. Yu. (2019). Dolgoe gosudarstvo Putina. *Nezavisimaya gazeta*, 11.02.2019. (in Russian).
13. Platonov, O. A. (2003). Entsiklopediya russkoi tsivilizatsii. Russkoe mirovozzrenie. In *Bol'shaya entsiklopediya russkogo naroda*. Moscow. (in Russian).

Работа поступила
в редакцию 10.09.2020 г.

Принята к публикации
17.09.2020 г.

Ссылка для цитирования:

Немцов А. А. Осмысление либеральных ценностей в современном российском культурно-историческом контексте // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №10. С. 299-338. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/59/30>

Cite as (APA):

Nemtsov, A. (2020). Understanding Liberal Values in the Modern Russian Cultural and Historical Context. *Bulletin of Science and Practice*, 6(10), 299-338. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/59/30>